

Игорь Москвин «Смерть приятелям»,

или

Запоздалая расплата

«КРЫЛОВ»

Игорь Москвин
Смерть приятелям, или
Запоздалая расплата
Серия «Исторический
детектив (Крылов)»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70079512

Смерть приятелям, или Запоздалая расплата: ИК «Крылов»; СПб.;

2022

ISBN 978-5-4226-0401-2

Аннотация

Начало XX века. Начальник Петербургской сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов столкнулся с серией кровавых убийств. Жестокий душегуб одного за другим убивает состоятельных господ с их прислугой, унося деньги и ценные бумаги. Вскоре возникает сильное подозрение, что убийца состоял в приятельских отношениях со своими жертвами. Что движет преступником – корыстный мотив, месть, маниакальная страсть или же нечто иное?

Идя по пути коварного Иуды, сыщики перемещаются от дворцов и притонов столицы России до самых захолустных

имений империи. И всюду кровавый душегуб оставляет следы злодейств, исполненных одним и тем же почерком.

Так кто же он на самом деле? Чем дальше, тем яснее становится одно – преступника будет не только сложно выследить, ещё сложнее будет его арестовать.

Содержание

I	8
1	8
2	12
3	15
4	18
5	24
6	26
7	31
8	39
9	44
II	51
1	51
2	54
3	55
4	58
5	63
6	67
7	70
8	71
9	78
10	80
11	83
12	89

III	95
1	95
2	98
3	101
4	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

**Игорь Владимирович
Москвин
Смерть приятелям, или
Запоздалая расплата**

* * *

© Москвин И., 2021

© ИК «Крылов», 2021

* * *

I

1

Циркуляр Департамента полиции № 10270

4 сентября 1904 г.

Совершенно секретно

Лично

Начальникам охранных и сыскных отделений

Недавно один из офицеров корпуса жандармов был поставлен в ложное положение недобросовестным лицом, сообщавшим ему подкрепляемые доставлением документов сведения о подготовке преступления. Последствием доставления этих сведений было задержание и заключение под стражу лиц, совершенно неповинных во взводимых на них преступлениях.

Произведённым одним из чинов департамента полиции расследованием установлено, что сведения сказанному офицеру были доставлены лицом крайне предосудительного поведения и притом известным с этой стороны некоторым офицерам корпуса, а документы подделаны. Офицер был введён в заблуждение, главным образом, тем, что лицо это

имело удостоверения и рекомендации офицеров корпуса, данные ему тогда, когда оно доставляло этим офицерам сведения, а равно и тем, что сообщало наряду с вымышленными, как обнаружено расследованием, и действительно верные сведения.

По докладе результатов расследования господину товарищу министра внутренних дел сенатору Дурново, Его Превосходительство, принимая во внимание, что неосведомлённость офицеров корпуса о тех сотрудниках, кои устранены от службы по политической или нравственной неблагонадёжности, может иметь весьма печальные последствия при возможном предложении услуг не знающему такого сотрудника офицеру, изволил приказать, чтобы начальники охранных отделений и начальники сыскных отделений обо всех сотрудниках, кои будут устранены от службы по политической или нравственной неблагонадёжности, представляли мотивированные донесения директору департамента полиции, а всем начальникам сказанных отделений совершенно секретно сообщали о состоявшемся устранении каждого такого лица от службы.

Вместе с сим, принимая во внимание, что выдача офицерами корпуса или сыскными агентами секретному сотруднику на руки каких бы то ни было удостоверений или рекомендаций может повлечь за собою, не говоря уже о злоупотреблениях, гибель сотрудника, департамент полиции предлагает никаких удостоверений, определяющих служеб-

ное положение секретного сотрудника, а равно и рекомендаций никогда сотрудникам на руки не выдавать.

Скрепил: За директора Зуев.

За заведующего особым отделом Трутков.

Владимир Гаврилович прочитал циркуляр и отложил в сторону. Такие приходили с определённой регулярностью. Хотелось спросить у начальника Департамента полиции: кого они набирают на службу? Проверяют ли этих людей, или всё идёт по старинке, когда протекция играет ключевую роль? И разве можно выдавать какие бы то ни было бумаги секретным агентам? Или в следующий раз они сподобятся снабжать охранной грамотой от самого Императора? Не государство, а чёрт знает что...

Здесь дел неуворот, каждый день преподносит новые сюрпризы. Грабежи, драки, поножовщина, а то и кровавые преступления. Народ изменился с началом двадцатого века – кажется, что перешёл незримую черту, после которой начал считать, что можно всё. Обещанный конец света четыре года тому, вопреки предсказаниям множества кликуш, не наступил, но что произошло с населением? Непонятно, и... жутко.

То ли ещё будет.

Владимир Гаврилович отложил в сторону циркуляр. О таком документе можно забыть. Слава богу, все сотрудники сыскальной полиции перед взятием на службу предстают перед

начальником и только после беседы достаиваются, а может, и нет, принятия на столь ответственную должность.

Взял со стола следующий документ. Но вновь вернулся к отложенному.

– Разрешите? – спросил дозволения войти в кабинет начальника чиновник для поручений Кунцевич, подтянутый господин лет сорока, с грустными и проницательными глазами.

– Мечислав Николаевич, проходите, – Владимир Гаврилович измученно улыбнулся после прочитанных бумаг.

– Вы просили доложить по делу Щекатуровой и Поляковой, – полицейский открыл папку и положил перед начальником документ. Филиппов поднял удивлённый взгляд.

– С месяц тому из Нижнего Новгорода пришёл запрос на задержание двух проституток, подозреваемых в убийстве, – напомнил Кунцевич.

Владимир Гаврилович встряхнул головой, словно вспоминая что-то или отгоняя назойливые фразы циркуляра № 10270.

– Из номеров некой Васильевой пропал купец Матвеев, – начал рассказывать Мечислав Николаевич. – Его тело было найдено в городском парке Нижнего Новгорода. Когда в полиции начали разбираться, то оказалось, что его видели в последний раз в компании двух молодых женщин – Елизаветы Щекатуровой и Любови Поляковой, которые уехали из города, согласно собранным предварительным сведениям, в столицу. Мы девиц задержали. Вот их показания, – Кунце-

вич достал из папки несколько бумаг.

Филиппов поморщился.

— Что они поведали? — Он положил руку поверх допросных листов. — Давайте покороче.

— Всё, как обычно. Вначале наши искательницы приключений отрицали, что вообще когда-либо были в Нижнем, но потом сознались. Приехали в город на заработки. Как вы знаете, в ярмарочную столицу стекаются женщины с жёлтыми билетами. Там они познакомились с Иваном и Петром, крестьянами Тверской губернии, двадцати восьми годов и тридцати лет. В один из дней они выпивали с купцом Матвеевым, к ним присоединились Иван и Пётр. Под надуманным предложением наши молодцы выставили девиц из номера, а когда те вернулись, то купца не застали. Крестьяне им поведали, что Матвеев, оставив деньги, ушёл. Но наши шустрые девицы оказались глазастыми и обратили внимание, что пустой чемодан, который принёс Иван для сбора в поездку в Камышин, стал больно уж тяжёлым. На вопрос Поляковой, не купца ли спрятали в чемодане, Иван подскочил к ней, схватил за горло и сказал, что если они будут рассказывать такие глупости, то он задушит обеих. Затем Иван и Пётр вынесли чемодан, а на другое утро девицам встретился Иван, который дал им десять рублей и сказал, чтобы они обе немедленно уезжали из Нижнего Новгорода, или он из них дух выпустит. Девицы испугались и выехали в тот же день.

— Так и кончают жизнь блудливые купцы, — подытожил

отчёт чиновника для поручений Филиппов. – Отправляйте девиц в Нижний, пусть там доводят дело до суда.

– Хорошо.

Не успела закрыться за Кунцевичем дверь, как раздался дробный звук. С утра заступил дежурным чиновником Николай Семёнович Власков. Сорокалетний мужчина среднего роста с усталыми голубыми глазами, смотревшими на собеседника с едва заметным прищуром, словно оценивали или выискивали в словах крупинки неправды. До мая месяца занимался в основном кражами и грабежами. Владимир Гаврилович усмотрел во Власкове сыскного агента, способного заниматься и более тяжкими преступлениями. Стараниями начальника сыскного отделения Николай Семёнович наконец переступил через чин губернского секретаря, который на нём висел, казалось, несъёмной гирей до самой отставки.

– Владимир Гаврилович, телефонировали из Третьего участка Литейной части о возможно совершённом убийстве.

Брови Филиппова поползли помимо воли вверх.

– Как это? – и, заикаясь, повторил, – «возможно, совершённом»?

– В доме номер четырнадцать по Гродненскому переулку во втором этаже появился нехороший дух, словно либо умер человек, либо сдохла животина. Вот они и просят вас при-
быть.

– Что ж они сами не могут хозяев квартиры найти или вскрыть дверь на предмет подтверждения смерти?

– Не решаются.

– С каких это пор полиция стала вести себя, словно девица на выданье? – возмутился начальник сыскного отделения, теребя густые усы.

– В участке в должность заступил новый пристав, вот и не решается...

– Понятно, – тяжело вздохнул Филиппов. – Николай Семёнович, будьте любезны пригласить ко мне господина Кунцевича, если он не отлучился из отделения.

– Хорошо. Будут ли ещё распоряжения?

– Да, вызовите нашего врача, фотографа, ну, всё как полагается при выезде на место совершения преступления.

– Вы полагаете... – но Николай Семёнович сразу же умолк, поняв, что сказал лишнего. – Тотчас же телефонирую господам Стеценко и...

– Гродненский переулок – это Литейная часть, а значит, – Владимир Гаврилович нахмурил лоб и почесал ус, – относится к одиннадцатому участку, где судебным следователем состоит господин Веложинский, если не ошибаюсь.

– Совершенно верно.

– Телефонируйте и ему. Если, конечно, из участка не сообщили о предполагаемом... убийстве. Да, и вызовите эксперта.

В нормативных документах ещё с начала прошлого века эксперта по старинке именовали «сведущим человеком», хотя давно стало расхожим слово «эксперт» – от латинского

expertus, что означало «опытный».

– Брончинского?

– Да, именно, Константина Всеволодовича. И фотографа Рогалова, – напомнил Филиппов.

У ворот дома Владимира Гавриловича встретил самолично участковый пристав штабс-капитан Дейтрих, всего три месяца тому вступивший в должность. Высокий, худощавый, с длинным вытянутым лицом, которое не красила, а скорее делала похожей на конскую морду острая бородка.

– Здравия желаю! – Андрей Фёдорович вскинул руку к околышу фирменной фуражки.

– Здравствуйте, – Филиппов, в свою очередь, приподнял правой рукой шляпу. – Ну, что тут у вас стряслось? – вроде бы его голос звучал равнодушно, но едва заметные нотки раздражения проскальзывали в каждом слове.

– Здесь такая напасть, – начал штабс-капитан и, сам не замечая, почесал бородку, – дни в последнее время стоят не по-осеннему жаркие, вот и учуяли соседи неприятный запах, исходящий из квартиры, которую занимает некий господин Власов. Тем более что его не видели уже несколько дней. Оповестили хозяина дома, а он, в свою очередь, поднял на ноги нас.

– Значит, запах... То есть вы дверь не вскрывали?

Пристав отрицательно покачал головой.

– Кто ещё проживал в квартире?

– Служанка его, – Дейтрих повернул голову к полицейскому, стоящему позади, но последний не понял, чего от него

хочет пристав, и промолчал. Андрей Фёдорович раздражённо повернулся к начальнику сыскной полиции.

– Стало быть, служанка?

– Так точно, – по военной привычке ответил пристав.

– Может быть, при отъезде позабыли убрать мясо или иное блюдо, вот оно и тухнет на кухне?

Пристав промолчал. Никогда ранее ему не приходилось быть в роли полицейского. Он лишь прикусил губу.

– Ладно, – отвернулся ко входу в дом Филиппов, – пойдёмте и посмотрим, что там творится в квартире. Может быть, жильцы и правы, что подняли тревогу.

Начали подниматься по лестнице. Владимир Гаврилович поневоле отметил рисунок на перилах, напомнивший ему скрипичный ключ в нотной тетради дочери и цветок с шестью лепестками.

– Как прикажете, – согласился пристав.

Чем ближе к двери, тем устойчивее ощущался сладковатый трупный запах.

– Чувствуете? – почему-то шёпотом спросил Дейтрих.

Владимир Гаврилович кивнул в ответ. У него раздулись крылья носа, заиграли желваки.

– Кто открывать будет? – спросил он в никуда.

– Дворник, – пояснил Андрей Фёдорович.

Из-за спины последнего выглянул мужчина лет пятидесяти в чёрной фуражке с кокардой и в тёмном фартуке с большим карманом на груди. Он взглянул на начальника сыскной

полиции, ища во взоре приказ на взлом двери.

Филиппов кивнул – мол, начинай.

Дворник возился недолго, минуту или две. Но время текло так медленно, что ожидание казалось вечностью, за которую можно прожить не одну жизнь.

Владимир Гаврилович дворника не подгонял, своё нетерпение старался держать под контролем. Пристав же, наоборот, переминался с ноги на ногу и тяжело сопел, но старался не выглядеть банальным служакой, о которых ходит много занимательных историй.

Наконец замок как-то металлически ойкнул, и дверь приоткрылась. Ломать её не пришлось, иначе досталось бы дворнику от хозяина.

Спёртый трупный запах вырвался на свободу. Филиппов приложил к носу платок и сощурился. Едкий дух щипал, не давая открыть глаза.

Андрей Фёдорович, будучи недавно уволенным со строевой службы, не хотел показывать гражданским штафиркам, что впервые сталкивается с такой ситуацией, и всего лишь скривил гримасу. Дышал через раз, то едва втягивая в себя воздух, то замирая, не производя ни звука.

Владимир Гаврилович покачал головой – мол, неужто раньше не учуяли запаха?

– Н-да... – Филиппов отодвинул в сторону дворника, но проходить в квартиру не стал. – Я думаю, нам стоит подождать врача и судебного следователя, – в задумчивости про-

изнёс он. – Понятно, что в квартире, – указал пальцем на тёмный провал в коридор, – совершено преступление, и не следует нам добавлять новых следов или ненароком уничтожить старые.

– Ваше право, господин Филиппов, – бледность не сходила с лица пристава, – вы больше моего сведущи в сыскных делах.

Владимир Гаврилович только кивнул в ответ.

На лестнице послышалось какое-то движение – то ли один, то ли два человека поднимались на этаж.

– Здравствуйте, господа! – первым поздоровался, поправляя очки левой рукой, Пётр Назарович. В правой он держал саквояж, с которым всегда выезжал, когда приглашали для освидетельствования насильственной смерти или обычного самоубийства. Статский советник Стеценко, старший врач Врачебно-полицейского управления, по виду немного инфантильный, на самом деле был жизнерадостным и смешливым. К жизни относился с некоторой долей юмора, несмотря на то, что приходилось иметь дело с различного рода лишениями жизни. – Чувствую, – он повёл носом и поморщился, – вам предстоит непростое дело. Дай бог, чтобы клиенты по такой жаре не потекли. Извините за неудачную шутку. Сентябрь, господа, навевает некоторую ностальгию по лету.

Дейтрих стоял в сторонке, наблюдал за пришедшим.

– Владимир Гаврилович, и чего мы ждём? – Пётр Назарович посмотрел на судебного следователя, намекая – мол, все

на месте, пора бы и к делу приступить.

– Эксперта, – ответил Филиппов, взглянув на Стеценко, потом на судебного следователя Веложинского.

Последний морщился от въедливого запаха, от которого начало пощипывать глаза, но платок к носу не поднёс, только сдвинул на переносице брови. Оскар Иустинович не стерпел и спросил, словно бы ни к кому конкретно не обращаясь:

– Известно, что там?

– Судя по запаху разложения, один труп имеется, – безучастно ответил Стеценко.

– Возможно, два, – подал голос пристав.

Присутствующие на площадке посмотрели на Дейтриха, словно он произнёс что-то забавное. Только Филиппов продолжал смотреть в тёмный провал коридора.

Прошла минута или две.

Веложинский демонстративно достал из жилетного кармана часы и щёлкнул крышкой.

– Однако, задерживается ваш эксперт.

– Господа, я был бы не против того, чтобы мы вошли в квартиру, но, увы, мы можем ненароком наследить, и тогда...

– Оскар Иустинович, вы куда-то спешите? – поинтересовался Стеценко.

– Нет, – растянул последнее слово Веложинский, хотя сощурил глаза и сжал губы.

Наконец, слышались быстрые шаги, и перед ожидавшими

ми предстал Константин Всеволодович Брончинский, мужчина сорока с небольшим лет, с открытым безволосым лицом и короткой стрижкой. Шляпу он держал в руках. Почувяв неприятный запах тлена, не скривился, а только стёр с лица улыбку.

– Простите, господа, за опоздание. Пришлось завершать одно дело. Ну, что тут у нас? – перешёл он сразу к расспросам.

– Это предстоит узнать, – за всех ответил Филиппов. – Теперь, я думаю, стоит вам, Пётр Назарович, и вам, Константин Всеволодович, вдвоём осмотреть место преступления, чтобы мы у вас не крутились под ногами, – усмешка вышла не совсем добродушной, да и шутка прозвучала как-то не совсем корректно.

– А вы сами? – Брончинский пригладил волосы.

– После вас.

Первым вошёл статский советник Стеценко, вслед за ним – эксперт Брончинский.

Ожидание длилось не более десяти минут, в течение которых каждый из присутствующих был занят своими мыслями. В основном, сходными – о бренности человеческой жизни. Как легко оборвать нить, связующую бытие и край, откуда нет возврата.

На пороге возник, словно бы из ниоткуда, эксперт Брончинский. Лицо его оставалось непроницаемым, и по нему невозможно было понять, с хорошими он вестями или не вполне.

– Чем порадуете? – спросил судебный следователь, первым заметив Константина Всеволодовича. Тот тяжело вздохнул.

– Считайте, там два подарка, – и добавил: – один мужской, второй женский.

– Час от часу не легче, – Оскар Иустинович перекрестился и добавил совсем тихо: – Упокой, Господи, души их грешные.

– Кстати, Сергей Иванович, – обратился начальник сыскного отделения к фотографу, – ваш выход.

Рогалов только кивнул и понёс фотографический аппарат на место преступления.

– Значит, двое убитых, – не обращаясь ни к кому конкретно, произнёс судебный следователь.

– Видимо, трупы хозяина, надворного советника Власова, и его служанки, – Дейтрих на миг задумался, вспоминал фамилию, – мещанки Семенидовой.

– Ограбление? – предположил Веложинский.

Филиппов с какой-то нервозностью посмотрел на послед-

него, но сдержался.

– Когда Константин Всеволодович, – начальник сыскной полиции посмотрел на Брончинского, – и Пётр Назарович завершат осмотр, тогда и увидим.

На лице эксперта наконец проявились человеческие чувства, и в первую очередь – какая-то непонятная жалость.

– Ограбление исключается, – после некоторой паузы произнёс Константин Всеволодович, – вещи на местах, ящики не выдвинуты. Я в них не заглядывал, но мне показалось, что здесь либо неприязнь к хозяину, либо он хранил значительную сумму в наличных деньгах или ценных бумагах.

– Месть? – опять предположил судебный следователь, но теперь Филиппов попросту не удостоил Оскара Иустиновича ответом.

Женский труп лежал в гостиной ничком, с подогнутыми под себя руками. Вокруг головы натекла кровавая лужа, которая по прошествии дней и от стоявшей жаркой погоды высохла, превратившись в заскорузлое чешуйчатое пятно почти чёрного, траурного цвета.

Филиппов, прищулив глаза и играя желваками, стоял, переминаясь с пяток на носки и обратно. Потом посмотрел в окно.

– Как я вижу, убийца подошёл сзади и быстрым движением рассёк жертве горло от уха до уха. Жертва, видимо, зажала рану, пытаясь остановить хлещущую кровь, но силы покинули её, и женщина рухнула ничком.

– Похоже, – кивнул стоявший рядом с начальником Мечислав Кунцевич, чиновник для поручений при сыскной полиции. – Скорее всего, она знала своего убийцу, иначе бы не провела его в гостиную.

– Нет, – подал голос полицейский врач Стеценко, – женщина была убита вслед за хозяином.

– Таким образом, получается, что убийца пришёл, служанка доложила о его приходе, – Филиппов повернул голову к Кунцевичу. – Будем придерживаться пока мнения, что пришедший – то ли знакомый хозяина, то ли имел возможность бывать в доме. Вначале смерть настигла господи-

на Власова – видимо, служанка ничего не слышала, а потом... Видите, господа, тело женщины лежит головой ко входу. Значит, уже провожала гостя.

– Вы говорите, убийца мог быть ранее в доме?

– обратился к Владимиру Гавриловичу Дейтрих.

– Вполне возможно, – ответил Филиппов. – Ничего из ценных вещей не украдено, а отсюда следует, что можно рассматривать две версии. Первая, как предположил Оскар Иустинович, – месть. Хотя эта версия маловероятна. Убивать надворного советника в собственной квартире не имело смысла, ведь наверняка преступника в таком случае мог заметить дворник или кто-нибудь из жильцов. Такой вариант не слишком вяжется с происшедшим событием. Я могу выдвинуть другой вариант: всё-таки – кража. И я не буду удивлён, что надворный советник имел капитал в наличных деньгах или ценных бумагах. И по старинке не доверял банковским учреждениям.

– Но ведь ничего не тронуто? – Дейтрих с побледневшим лицом едва стоял на ногах: запах разложения, казалось, пропитал всё вокруг, щипал глаза и назойливо врывался в лёгкие вместе с воздухом.

– В том-то и дело, что ничего. Значит, убийца знал, где надо искать.

– Владимир Гаврилович, я, со своей стороны, могу добавить, – вмешался в разговор Константин Всеволодович, – что преступник поранил себя. У рукомойника полотенце в кро-

вавых пятнах, словно после помывки убийца вытирал руки, но капли остались на полу. И это кровь не наших убиенных, так что найдёте злодея – проверьте обязательно, есть ли у него порезы на руках.

– Проверим, – пообещал Филиппов и тут же обратился к Петру Назаровичу: – Вы не скажете, когда было совершено злодейство?

– Увы, – покачал головой Стеценко, – сейчас слишком жарко, а разложение... – Он на миг задумался. – Не могу точно сказать, но думаю, около недели. Не знаю, смогу ли вам точно ответить на заданный вопрос после вскрытия...

– Владимир Гаврилович, – обратился к начальнику Кунцевич, – я, конечно, не врач и не могу в точности сказать, в котором часу совершено убийство, но день могу назвать.

Филиппов вскинул в удивлении брови, потом улыбнулся, переведя взгляд на перекидной календарь, возле которого стоял Мечислав Николаевич.

– Вижу, – коротко сказал начальник сыскной полиции.

– Господа, вы говорите загадками, – заявил судебный следователь.

– Оскар Иустинович, – начал Кунцевич после того, как Филиппов взглядом дал ему позволение, – допустим, что листок календаря хозяин перекидывал с утра, перед завтраком или после оногo. Тогда можно предположить, что убийство произошло в последний указанный день, то есть двадцать восьмого августа. Час мы тоже постараемся выяснить, для

чего установим распорядок дня убитого со слов знакомых или по записям самого Власова.

– Понятно, – сквозь зубы выдавил Веложинский, досадуя на себя из-за такой оплошности. Как он первым не догадался, хотя смотрел же на календарь... Потом спросил невпопад: – Как был убит хозяин?

– Тем же способом, что и служанка, – пожал плечами Стеценко, глядя куда-то в окно, – зарезан бритвой или острым ножом.

– Значит, пока не известно? – досада судебного следователя не проходила. Да и зачем ему знать об этой ерунде? Пусть сыскная полиция ищет, а ему предоставляет возможность сосредоточиться на кабинетной работе. Он-то сумеет допросить лиц, которых к нему доставят, а пока...

– На месте преступления оружие не найдено, – пояснил Кунцевич, – скорее всего, убийца унёс его с собой. Либо оно слишком приметное и он им дорожит, либо захватил по рассеянности. Всякое бывает.

– Но вы его обнаружите? – с нотками раздражения бросил Веложинский.

– Возможно, – невозмутимо ответил Филиппов, – но для нас важнее найти убийцу, хотя и оружие не мешало бы.

– Хорошо, – кивнул головой Оскар Иустинович, – пришлите мне отчёты, как будут готовы, – судебный следователь поклонился коротким кивком головы и направился к выходу, провожаемый насмешливыми взглядами Кунцевича

и Стеценко, которые переглянулись и пожали плечами. Что, мол, это было?

– Надворный советник убит тем же способом, что и служанка? – поинтересовался у врача Филиппов.

– Тоже острым лезвием, – Пётр Назарович смотрел на Владимира Гавриловича, – но удар нанесён не сзади, а сбоку, словно убийца имеет познания в медицине и целил точно в яремную вену Власова.

– Что ж, это сужает круг поисков, но не всё так однозначно. Может быть, гость из прошлой жизни нашего надворного советника... а впрочем, – подытожил начальник сысской полиции, – подведём итоги на Офицерской, когда получим отчёт наших уважаемых Петра Назаровича и Константина Всеволодовича. А сейчас, господа, займёмся осмотром квартиры.

После осмотра Филиппов возымел желание побеседовать с владельцем дома. Однако на вопрос, где найти такового, дворник – невысокого роста жилистый мужчина лет пятидесяти – только улыбнулся, ощерив рот с провалами на месте некоторых зубов.

– Господин Олсуфьев тут не бывают. Ежели вы, господин хороший, имеете желание поговорить с владельцем, так вам нужен управляющий наш, Степан Иванович.

– Где я могу его найти? – поинтересовался Владимир Гаврилович.

– Так вот они идут, – дворник указал рукой на мужчину, выходящего из дверей парадного входа.

– Ты его оповестил?

– Так он туточки давно, это ж он полицию вызвал.

Степан Иванович, управляющий всеми домами господина Олсуфьева, оказался мрачным господином шестидесяти с лишком лет. Волосы, хотя и полностью седые, не отступали с головы и оставались густыми. Каменное лицо напоминало гипсовую белую маску. Только бегающие глаза выдавали живого человека.

Владимир Гаврилович поздоровался, представился с полным наименованием должности.

– Я думал, что приставом дело и ограничится, – после то-

го, как поприветствовал начальника сыскной полиции, сказал управляющий.

– Убийства теперь в компетенции нашего ведомства, – Филиппов с интересом смотрел на управляющего.

– Простите, – спохватился собеседник, – Степан Иванович Безручков, управляющий доходными домами господина Олсуфьева.

– Вот слышу о нём не в первый раз, но не знаком и ничего о нём не знаю, – посетовал Владимир Гаврилович.

– Владимир Александрович, – с заметным пиететом в голосе произнёс управляющий, – служит в лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку, имеет звание подполковника. Предваряю ваше любопытство: во вверенных моему попечению домах господин Олсуфьев не бывает. Я же по всем возникающим вопросам обращаюсь к Александре Александровне, супруге господина Олсуфьева.

– Хорошо. Меня больше интересуют жильцы, взявшие внаём квартиры.

– Владимир Гаврилович, – Безручков исподлобья посмотрел на начальника сыскной полиции, словно желая понять, как последний отреагирует на такую фамильярность, и продолжал, – как мне кажется, вас больше занимает Николай Иванович Власов?

– Именно так.

– Что я могу о нём сказать? Платил за проживание всегда вперёд, шумных гостей к нему не приходило. Девиц, если

вас это тоже интересует, не водил. Жил тихо, скромно, принимал двух-трёх приятелей. Вот, пожалуй, и всё. – Степан Иванович тяжело вздохнул. – Жил человек, ходил, дышал, а как не стало, – управляющего потянуло на философские размышления, – и сказать-то, по сути, нечего.

– Вы упомянули двух-трёх приятелей. Вы знаете, кто они?

– Не вполне, – с хитринкой ответил управляющий.

– Степан Иванович, я веду дознание, и меня мало интересует моральный облик всех участников драмы. Истина важнее, тем более что господина Власова и его служанку умертвили жестоким образом. И нам надо найти злодея, который должен понести заслуженное наказание.

– Владимир Гаврилович, неужели я без понятия? Двух я видел, с одним даже беседу имел. Он при Военно-медицинском управлении служит, Варламеев его фамилия. Простите, имени-отчества не знаю, не удосужился спросить.

– Так, понятно, а второй?

– Вот со вторым я не знаком, видел издали.

– В гражданской одежде или в мундире?

Управляющий задумался, наморщив лоб. Потом складки разгладились.

– А как же! В мундире, и вы знаете, – опять задумался, – по-моему, в лейб-гвардейском.

– Теперь о Николае Ивановиче. Не подскажете, когда вы видели его в последний раз?

– Видимо, с неделю тому. Но в точности вспомнить не мо-

гу. Видите ли, время бежит, и не уследишь... Дни мелькают, как в окне поездного вагона.

– Значит, вы не помните этого господина?

– Увижу – вспомню, а так... – Безручков пожал плечами. – Словами мне не описать.

– В тот последний раз, когда вы имели возможность видеть Власова, кто-нибудь из приятелей к нему приходил?

– Не могу знать. Я же, Владимир Гаврилович, не каждый день нахожусь в этих краях. У Владимира Александровича на Гороховой дом, на Итальянской, и два – на Малом Царскосельском. Так что забот мне хватает. Сами понимаете, каждый норовит от работы увильнуть, вот и приходится савраской по столице мотаться. Слава богу, за Савелием пригляд не нужен, он сам знает, что и когда делать.

– Савелий – этот тот, с кем я до вашего прихода беседовал?

– Совершенно верно. Он здесь каждую собаку в округе знает и по лаю отличить может, не то что по виду.

– А всё-таки что вы можете сказать о Николае Ивановиче?

– Близкими приятелями мы не были, – скривил губы Безручков, – в гости к нему я не заходил, даже не знаю, что вам поведать.

– На какие капиталы жил Власов?

– Говорю, не знаю. Служил он при каком-то комитете, потом вроде бы наследство получил. Но это я слышал, а как на самом деле, простите, не извещён.

– То есть капиталом он обладал?

– Видимо.

– Благодарю, Степан Иванович, за беседу, – Филиппов приподнял край шляпы и отправился на поиски вездесущего и наслышанного новостей хозяина метлы.

Савелий, десятый год служивший в дворниках при домах Олсуфьевых, всё так же щерился провалами между зубов. Он с крестьянской хитринкой посмотрел на начальника сысской полиции.

– Знал я, что Савелий ещё сгодится для дачи... как бишь его... – скривил лицо, словно болезненно что-то припомнил.

– Показаний, – подсказал Филиппов.

– Во-во, бес его в душу, показаний.

Было видно, что дворник числился на хорошем счету и поэтому иной раз позволял себе некоторую вольность в разговорах с господами.

– Кажется мне, что хочешь мне полезное для дознания поведать.

– А то! – и дворник умолк, выдерживая театральную паузу, хотя, пришло в голову начальнику сысской полиции, этот субъект в стоптанных сапогах и пыльных шароварах ни разу в театре, поди, не бывал.

Филиппов не стал подгонять, как того хотел дворник, а улыбнулся, неспешно убрал со своего плеча несуществующую пылинку и сделал вид, что спешка ему ни к чему.

Вначале дворник словно бы сделался ниже ростом, но потом распрямил плечи. Видимо, раскусил замысел важного господина.

– В последний раз, – начал Савелий, – я господина Власова видел вечером двадцать четвёртого августа. Он спешно прошёл по двору, взял извозчика и куда-то поехал. О визите он даже Варваре не сказал...

– Кому? – перебил Филиппов.

– Служанке своей, Варваре Семенидовой, а ей он обо всём доклад имел. Так вот и она мне следующим днём ничего не сказала.

– Стало быть, ты Власова видел в последний раз двадцать четвёртого, а Варвару – двадцать пятого?

– Я ж о том и толкую, ваше превосходительство...

– Владимир Гаврилович, – начальник сыскной полиции кивнул головой.

– Я ж о том же, Владимир Гаврилович, – казалось, дворник во рту перекатывал и смаковал имя с отчеством.

– В котором часу ты её видел?

– То ли в пятом часу, то ли в шестом. Звиняйте, но точнее сказать не могу, часов не имею, а колокольный звон пропустил.

– Допустим, в шестом, – сказал Филиппов. – И о чём с ней разговаривал?

– Да так, перекинулись парой слов. Звиняйте, Владимир Гаврилович, говорила, что следующим днём должны пере-

ехать в Парголово.

– В Парголово? – удивлённо спросил Филиппов.

– Ну и я о том же. Что ж, говорю, Варвара, вы на зиму на дачу переехать решили? Наши-то остальные жильцы на лето нанимают. А мы, отвечает, не все. Мы когда хотим, тогда за город ездим. Я ей: право ваше. А что это, говорю, Николай Иваныч выскочил вчера, как скаженный? То всегда поздороваётся, а тут молнией проскочил и чуть было с ног не сбил. А она: да я и сама не знаю, что с ним вчерась было. Так вот постояли и разошлись.

– Двадцать пятого Николай Иванович гостей не ждал, или кто к нему приходил?

– Эт, сколько времени-то прошло, Владимир Гаврилович, разве ж упомнишь?

– Ты, братец, вспоминай. Может быть, от твоих слов поимка преступника зависеть будет.

– Ежели так, – дворник почесал бороду, – двадцать пятого, говорите... Двадцать пятого, двадцать пятого... – сощурил глаза и губы в трубочку сложил, потом брови вскинул и обрадовано сказал: – помню я. Ей-богу, помню. К Николаю Иванычу гость приходил, хотя юркнул в подъезд, но я его приметил. Это приятель господина Власова был.

– Который?

– Тот, что в лейб-гвардии Сапёрном батальоне служит.

– Ты не мог ошибиться, ведь говоришь, далеко было? – недоверчиво спросил Филиппов.

– Не, и выправка егойная, и шинель...

– Так двадцать пятого тепло было, неужели приятель Власкова в шинели пришёл?

– Ну, я... – протянул дворник. – Нет, – вдруг твёрдо сказал он, – это прапорщик был, который часто к Николаю Ивановичу захаживал. Не мог я ошибиться. И фигура, и плечи, да и рост... Точно он.

– Не помнишь, как его звали?

– Владимир Гаврилович, не припомню я. Фамилия такая заковыристая, немецкая, одним словом.

– В котором часу это было?

– К вечерне уже отзвонили, – вспомнил Савелий, – восемь уже пробило, стало быть.

– Ты не видел, когда он ушёл, приятель власовский?

– Видел, часа два прошло. Пока я, ну, в общем, повечерял я.

– Наверное, и чарку принял?

– Не без этого.

– Перепутать гостя с кем другим не мог?

– Ну, как можно? В шинели он был, рост опять же... Не, спутать не мог.

– И лицо ты видел?

– А вот лица я не разглядел, – признался Савелий.

– Итак, господа, что нам известно? – Владимир Гаврилович обвёл взглядом присутствующих в кабинете чиновников для поручений Кунцевича, Власкова и Лунащука. – Мечислав Николаевич, что удалось узнать?

Кунцевич поднялся, но Филиппов поморщился и указал жестом, что можно докладывать сидя.

– Согласно заключению старшего врача Врачебно-полицейского управления статского советника Стеценко, смерть обоих жертв наступила двадцать пятого августа в промежутке между двенадцатью часами дня и полуночью. Точнее установить время не представляется возможным из-за состояния трупов.

– Убийства произошли между шестью часами вечера и полуночью, – дополнил Мечислава Николаевича Филиппов. – Дворник в шесть часов разговаривал со служанкой Власова, и последняя на тот час была во здравии. Продолжайте.

– Жертвы – надворный советник Власов и его служанка Семенидова. Николай Иванович сорока четырёх лет, православного вероисповедания, уроженец села Райвола Выборгской губернии.

Владимир Гаврилович покачал головой. Жители села Райвола в основном были из крепостных графа Салтыкова, переселённых из Орловской губернии для работ на заводе,

принадлежащем помещику. Впоследствии крестьяне вместе с заводом отошли в казну. По присоединении Сестрорецкого участка к Санкт-Петербургской губернии рабочие Райволовского завода, принадлежащие военному ведомству, были прописаны к Сестрорецку, но им позволялось жить по паспортам в Райволе. Отсюда и возникала двойственность их подчинения: по месту жительства – властям финляндским, а по месту приписки – общественному управлению Санкт-Петербургской губернии. Такая двойственность ставила жителей в крайне неопределённое юридическое положение, и в течение последних сорока лет порождала целый ряд недоумений.

– ...служил последние десять лет при Санкт-Петербургской городской аукционной камере до увольнения, в связи с получением наследства... – продолжал Кунцевич.

– Как так? – перебил подчинённого Филиппов.

– Ведь при ней служат только люди купеческого звания?

– Оказывается, не только.

– Может быть, убийство связано с аукционной камерой? – не вытерпел молчания и предположил Власков, ранее занимавшийся кражами, – только недавно ему поручили расследование более тяжких преступлений.

– Вот вы, Николай Семёнович, и займётесь там сбором сведений.

Власков кивнул головой.

– Продолжайте, Мечислав Николаевич.

– После увольнения из аукционной камеры последние три года живёт на доставшееся от тётки, родной сестры его отца, наследство.

– Установили ли вы, похищено ли у него что-нибудь?

– Да, – Кунцевич расплылся в улыбке. – Николай Иванович был довольно аккуратным человеком и вёл подробные записи о расходах и приходах денежных средств. Оказалось, что убитый давал деньги в рост и вёл амбарную книгу. Правда, в ней указаны только инициалы, и не совсем понятно, это имена и фамилии или отчества. Суммы разные, от сотен рублей до десятков тысяч. Напротив каждого из обозначений заёмщиков две даты – выдачи денег, и их возврата.

– С этим мы разберёмся позже. Мечислав Николаевич, поясните, это банальное ограбление или всё-таки месть обиженного? – при последних словах Филиппов улыбнулся, вспомнив рассерженное лицо судебного следователя.

– Кража, – с категоричностью в голосе подтвердил Кунцевич. – У Николая Ивановича, к счастью, всё закреплено на бумаге, и получается, что исчезло тридцать восемь тысяч триста восемнадцать рублей наличными деньгами и пятьдесят три тысячи в ценных бумагах.

– Значит, кража, – Владимир Гаврилович почесал пальцем ус. – Тогда поступим таким образом. Вы, Николай Семёнович, займитесь, как я сказал ранее, аукционной камерой. Вы, Мечислав Николаевич, продолжайте копать в амбарной книге, а вы, Михаил Александрович, – Филиппов обратил

взгляд на Лунашука, – опросите знакомых и родственников Власова, если таковые имеются в столице. О двоих мы знаем: один из них служит при Военно-медицинском управлении, фамилия его Варлаамеев, второй – прапорщик в лейб-гвардии Сапёрном батальоне.

– Так их казармы по соседству находятся, – то ли спросил, то ли утвердительно сказал Кунцевич.

– Да, рядом, практически за углом дома убитого.

– Дела-а...

– Вот поэтому второму господину, Николай Семёнович, уделите более пристальное внимание. Дворник говорит, что в день убийства, а точнее, с восьми до десяти вечера он мог находиться у Власова в гостях...

– Может быть, он и есть убийца? – обрадовался Власков.

– Не надо делать поспешных выводов, господин Власков, – с металлом в голосе сказал Филиппов.

– Меня смущает то обстоятельство, что военный, приходивший в гости, в столь жаркую погоду, которая стояла в те дни, был в шинели. Тем более что Савелий – так зовут дворника – лица проходящего не разглядел. Только шинель. Так что выводы делать пока рано.

– Но, может быть, он хотел незаметно вынести деньги и бумаги, ведь они занимают немало места?

– не унимался Власков.

– Ещё раз повторяю: выводы делать рано. Вначале надо собрать сведения.

– Но...

– Никаких «но», господа. Нам поручено вести дознание со всей тщательностью, и, простите за грубость, дотошностью, чтобы виновного задержать и чтобы невинные при этом не пострадали. Да что я вам, должен азы сыскной службы напоминать? Вы же сами давно служите и всё прекрасно знаете. А засим разрешите прервать наши прения. Вы свободны. Занимайтесь порученными делами.

Чиновники для поручений поднялись с мест.

Городская аукционная камера располагалась в трёхэтажном доме по Мещанской улице, построенном для Петербургского Мирового съезда и Сиротского суда лет двадцать тому и имевшем три двора.

В доме помещались, кроме аукционной камеры, столичного Мирового съезда и архива, кабинеты для участкового мирового судьи, Сиротский суд с архивом, городское училище для мальчиков и городское училище для девочек. Залы для судопроизводства, занимавшие два двора, находились вдали от уличного шума в центральном корпусе, расположенном параллельно Мещанской улице, и освещались с двух сторон окнами, выходившими в световые дворы. Школьные же помещения устроили со стороны Екатерининского канала. В здании размещались также двухкомнатные квартиры учителя и учительницы, квартира в четыре комнаты смотрителя здания, кухни для сторожей и дворницкая.

Главный оштукатуренный фасад по Мещанской улице архитектор Китнер спроектировал, переплетая воедино разные стили, а именно неоренессанс и неоклассицизм. Элементы декора нигде не повторялись. Первый этаж имел рустовку и окна с замковыми камнями, лепными кронштейнами и гирляндами. Проемы второго этажа были обработаны профилями и расположенными над ними панно. Выше на главном

фасаде выделялись обрамления из стилизованных пилястр. Более пышно оформлялись боковые ризалиты, часть здания, выступающая за основную линию фасада и идущая во всю высоту здания. Окна первого этажа (первоначально здесь предполагались двери) были украшены фигурными профилями и большими лепными кронштейнами, а проёмы второго – колоннами и треугольными фронтонами. Арочные обрамления окон третьего этажа имели картуши с гербом Петербурга.

В филёнках аттиков были помещены рельефные изображения символов правосудия – меча и весов, ведь здесь располагались люди, ставящие главенство закона превыше Божьего суда. В верхней части каждого ризалита – лепной герб Санкт-Петербурга. Под одним – дата начала строительства: «1884», под другим – окончания: «1885». В качестве других декоративных элементов использованы монограммы Александра III над окнами второго и третьего этажей, орнаментовка первого этажа, фронтоны и тосканские колонны оконных проёмов ризалитов.

Николай Семёнович недолюбливал людей купеческого сословия. А Владимир Гаврилович, словно почувствовав его неприязнь, распорядился, чтобы именно он, Власков, занимался этими жуликами.

У управляющего аукционной камерой личного почётного гражданина Дмитрия Фёдоровича Георга всегда не хватало времени. Приходилось много разъезжать по городу и самому

осматривать движимое имущество, которое выставлялось на продажу по взысканию правительственных и общественных учреждений, а также по желанию владельцев.

Должность суетливая – надо самому отслеживать, чтобы не было явных нарушений.

Дмитрий Фёдорович, услышав, что его хочет видеть чиновник для поручений при начальнике сыскной полиции, насторожился и сразу же предположил самое наихудшее. Его афёры раскрыты. Георг засуетился, но потом взял себя в руки.

– Сколько верёвочке не виться, – прошептал он про себя и, махнув рукой, попросил пригласить в кабинет полицейского, шепча под нос: – семь бед – один ответ.

Николай Семёнович, нахмутив лоб, вошёл в кабинет и осмотрелся.

Георг побледнел и вскочил из-за своего рабочего стола. Позади управляющего на стене не было портрета государя, как ожидал увидеть Власков, а висела в рамке грамота:

«Божиею Милостию Мы, Александр Третий, Император и самодержец Всероссийский, царь Польский, Великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая, согласно удостоению Комитета и службе чинов Гражданского ведомства и о наградах, Мы, ко дню Благовещения всемилостивейшее пожаловали Георга Дмитрия Фёдоровича званием потомственного почётного гражданина. Во свидетельство чего повелеваем Мы

сию грамоту Правительствующему Сенату подписать и государственною нашею печатью укрепить. Дана в Санкт-Петербурге».

Далее шла дата и размашистая подпись в бозе почившего государя-императора.

Николай Семёнович поздоровался и представился. Дверь за его спиною тихонечко закрылась.

– Чем могу быть полезен, господин Власков? По делам службы или по сугубо личным? – Хотелось услышать, что по личным, но вместо этого прозвучало:

– Меня привели к вам исключительно дела служебные.

– Садитесь. Может быть, чаю? – суетился хозяин кабинета.

– Благодарю, э-э-э... – Николай Семёнович вдруг осознал, что позабыл имя-отчество собеседника.

– Дмитрий Фёдорович, – услужливо подсказал Георг.

– Так вот, любезный Дмитрий Фёдорович, к вам меня привели дела служебные. Сейчас мы ведём дознание о насильственной смерти Николая Ивановича Власова, – чиновник для поручений внимательно смотрел на управляющего, но на лице последнего, кроме, пожалуй, удивления ничего заметить не смог.

– Насильственной смерти Николая Ивановича? – скрыть ошеломление хозяин и не пытался. – Скажите на милость, вполне цветущий мужчина, и... – Он покачал головой. – Но чем же я могу вам помочь?

– Власов служил под вашим началом?

– Д-да, но это было три года тому. И я совершенно не понимаю, чем могу вам услужить.

– Чем занимался в камере Власов? Какие выполнял обязанности?

– Наша основная задача заключалась в первоначальной оценке движимого имущества, выставляемого на продажу, и проведении собственно аукциона.

– Николай Иванович справлялся со своими обязанностями?

– Несомненно, иначе мы вынуждены были бы с ним распрощаться.

– Были ли недовольные господином Власовым?

– В нашем деле не без этого, – сокрушённо покачал головой Георг. – Вы знаете, для скольких людей я стал врагом? Вот именно, и не подозреваете.

– Стало быть, спустя три года никто бы мстить не стал?

– Окститесь, любезный господин Власков, спустя три года? – Дмитрий Фёдорович улыбнулся. – Здесь вы можете быть совершенно уверены, что наши так называемые продавцы ни при чём.

– Дмитрий Фёдорович, вы не подскажите в таком случае, с кем из ваших работников приятельствовал Власов?

– Видимо, ни с кем.

– Как это – «видимо»?

– У нас в камере основную часть работы выполняют люди

купеческого звания, а Николай Иванович у нас из дворян, – Георг поднял вверх указательный палец.

– Так и что?

– Наши его... – управляющий замялся, потом всё-таки сказал: – сторонились. Мы – люди простые, – добавил он и сам покраснел, – вот и дружбу с Николаем Ивановичем не водили.

– Значит, ничего толком сказать не можете?

– Да, – согласился личный почётный гражданин, – точно так-с, – иронически добавил он (или ненароком вырвалось это «так-с»).

Николай Семёнович поднялся со стула.

– Я могу поговорить с вашими сотрудниками, служившими в одно время с Власовым?

– Думаю, да.

– С кем?

Георг назвал пять фамилий.

– Неужели и женщины заняты в аукционной камере? – искренне удивился Николай Семёнович.

– Приходится терпеть, – вырвалось у Дмитрия Фёдоровича, но он тут же попытался исправить оплошность. – Ольга Николаевна, не в пример иным мужикам, работает на совесть, – и личный почётный гражданин отвёл взгляд в сторону.

– Могу я с ними сейчас побеседовать?

Георг намеревался сказать категорическое «Нет», но пе-

редумал. Кто его знает, какие силы стоят за этим чиновником для поручений? А от говорильни никому плохо не будет, тем более что ничего лишнего никто не скажет.

– Пожалте, господин Власков.

– Благодарю. И где я могу найти вышеназванных господи, – добавил он с улыбкой, – дам?

– Я вас провожу.

– Не стоит беспокоиться, Дмитрий Фёдорович.

– Мне всё одно в ту сторону надобно.

II

1

Лунашук недолго обдумывал, куда ему направиться – в Военно-медицинское управление или лейб-гвардии Сапёрный батальон. В последнем у него служил в звании подпоручика сын двоюродной сестры Бруно. Лет десять тому вышла неприятная история, и с тех пор Михаил Александрович не поддерживал связи с родственниками, хотя жили обе семьи в столице. Вначале то ли обида, то ли огорчение не давали повода к примирению, а потом проходили дни, но никто не желал первым пойти другому навстречу. Может быть, племянник не помнит зла и поможет в дознании, а может, и наоборот – станет чинить препятствия.

Лунашук неспешно подошёл к шкафу, где на полке стоял толстый том с претенциозным, под стать объёму, названием «Весь Петербург на 1903 год» с подзаголовком «Адресная и справочная книга С. – Петербурга». Начал листать. Первые сорок страниц занимала вездесущая реклама. Глаз отмечал: Страховое общество «Россия», Днепровский завод, какие-то коммерческие банки, «Юнкерс и Ко, банкирский дом», «Торговый дом», но так и не нашёл искомого. Надо было уточнить адреса расположения Сапёрного батальона,

его командиров и офицеров, потом выяснить, какой дом занимает Военно-медицинское управление. Кто им управляет, так сказать. Может быть, в справочнике упомянут и этот самый Варлаамеев. Если, конечно, он не обычный служащий, а какой-нибудь начальник отделения.

К сожалению, в справочнике упоминались офицеры до подпоручика, прапорщики не удостоились перечисления – слишком незначительное звание, по мнению издателя. Но среди прочих, Михаил Александрович отчеркнул ногтем, упоминался подпоручик Гинчук-Лунащук Бруно Андреевич. Имя он получил от отца, который искренне считал себя дальним родственником Бруно Кверфуртского, ставшего в одиннадцатом веке святым и приходившегося родственником императору Священной Римской Империи Оттону III. Придётся всё-таки общаться с господином подпоручиком. Конечно, такое общение не доставит большого удовольствия, но что поделать? Служба. А её, как говорится, не выбирают, она сама тебя находит.

Начал записывать в книжку. Итак, Преображенская улица. Перечислены дома, часть из них занята одноимённым гвардейским полком, а вот один из номеров является искомым. Слава богу, указан номер телефона, по которому можно будет уточнить необходимые сведения. Михаил Александрович вывел цифры «833».

Теперь этап второй.

Военно-медицинское управление расположилось в оглав-

лении между Главным артиллерийским и Военно-морским судным. И занимало столбец под номером «115».

Лунашук начал изучать фамилии и споткнулся о знакомую. Оказывается, титулярный советник Варламеев Александр Андреевич – не абы кто, а служит в канцелярии архивариусом.

Михаил Александрович радостно сощурил глаза и покачал головой. Хоть в этом повезло. Таким образом, решил-ся вопрос, мучавший чиновника для поручений, куда направить стопы. В Сапёрный батальон не очень-то и хотелось. Не было интереса встречаться с племянником. Бросать косые взоры друг на друга, памятуя о давнем раздоре. Наверное, никто не вспомнит, что явилось причиной ссоры. За эти пять лет события обросли несуществующими подробностями и превратились в своего рода мифическую историю.

А Управлением, хотя оно и имеет в названии «Военное», руководят (да и служат там) гражданские люди. Вот с ними разговаривать проще, чем с отдельной кастой военных, не пускающей чужаков в свои ряды и отстаивающей свои собственные интересы. Как ни печально и как бы не хотелось этого избежать, но придётся обращаться к племяннику. От этой мысли у Михаила Александровича испортилось настроение.

Перед Кунцевичем на столе лежала амбарная книга господина Власова. Приход, расход, имена или фамилии, обозначенные буквами, а может быть, и не имена, а, допустим, придуманные Власовым прозвища. Кто знает, как расшифровать? Ведь ни расписок, ни долговых обязательств обнаружено не было. Загадка. По словам свидетелей, в гости к Николаю Ивановичу приходили только двое знакомых. Можно сопоставить их инициалы. Но вначале их надо узнать.

– Да что вы говорите? – всплеснул руками аукционер, по совместительству и казначей Тимофей Петрович Лыхтин, петербургский купец в третьем поколении. Выглядел он, как изображают людей его сословия в пьесах известного литератора Александра Островского. Старого покроя кафтан с поддёвкой, шёлковая рубаша красного цвета, борода лопатой с прожилками седых волос, пробор посредине головы и сальные волосы, то ли намазанные чем-то, то ли давно не мытые. Мужчина покачал головой. – Никогда бы не подумал, что с Николаем Ивановичем случится такое несчастье. Какая жалость! Боже мой, что же творится в нашей жизни!.. – Купца было не остановить, видно сразу, что словоохоч.

– Тимофей Петрович, – оборвал сетования казначея полицейский чиновник, – вы же знали Николая Ивановича?

– А как же? Мы с ним столько лет бок о бок...

– Что вы о нём можете показать?

Слово «показать» ввело купца Лыхтина в состояние оцепенения: он побледнел, выпучил глаза, словно его кто невидимый начал душить, задышал тяжело и с присвистом.

– Я – о Николае Иваныче?.. – запинаясь, произнёс казначей.

– Да, вы о нём.

– Что ж я могу показать, ежели знакомства мы с ним не

водили. Здравствуй да прощай, вот и весь сказ.

– Ой ли? – недоверчиво спросил Власков. – Столько лет бок о бок трудились – и сказать нечего? – Он так посмотрел на Лыхтина, что тот отступил на шаг назад.

– Господин... полицейский...

– Николай Семёнович, – щёлочки глаз смотрели на купца в упор.

– Николай Семёнович, почём я могу знать, как там жил господин Власов...

– Я не о том спрашиваю. Вы сидели за соседними столами, о чём-то беседовали, кроме темы аукционной. О чём? Говорил ли Николай Иванович о друзьях, родственниках или иных людях? Может быть, рассказывал о делах своих или о врагах? Вы же наверняка вели беседы? – то ли вопрос, то ли утверждение.

Лыхтин кивнул головой.

– О чём-то говорили... о врагах? Нет, о них, если бы Николай Иваныч и имел их, то ни в жисть о них не рассказал. Не из того теста он... был, чтобы стороннему что-то рассказывать. Как и все мы, в деньгах он нуждался. Всегда хочется иметь больше, чем имеешь. Это ж в натуре каждого из нас. Вы бы тоже хотели...

– Тимофей Петрович, – перебил купца Власков, – разговор нынче не обо мне, а о господине Власове, которого, между прочим, зверски убили, и причина такого кровавого преступления пока не установлена. А если оно связано со служ-

бой в аукционной камере, тогда, может быть, и вы можете оказаться следующим. – При этих словах по лицу Лыхтина пробежала тень неподдельного испуга. – Так что давайте на-чистоту, без лишних экивоков – «не знал», «не слышал», «не участвовал»...

– Да что я, господин Власков? Я рад бы что поведать, да не знаю, о чём. Мы с Николаем Ивановичем не приятельствовали. Он, хотя и служил при нашей камере, но близко к себе не допускал. Он же дворянских кровей, а мы кто? Лаптем щи до сих пор хлебаем, – со внезапной злостью сказал купец, – свысока он на нас смотрел. Словно вши мы для него были, а не человеки. Мы иной раз и за бутылочкой посидеть любим, да и в баньку сходить попариться. А он – ни-ни. Ему ж шампанского с этими клятыми, как же их, во! – устрицами подавай, – обрадовался чему-то Тимофей Петрович. Потом махнул рукой. – Простите, господин Власков, но с гнильцой человек был. Лучше у Ольги Николаевны поинтересуйтесь. Может быть, она вам о нём поведает, – с хитринкой во взгляде произнёс Лыхтин, даже один глаз прищурил.

– Что она может рассказать? – недоумевающе спросил Власков.

– А вот вы у неё и поинтересуйтесь.

– Стало быть, ничего добавить не можете?

Купец пожал плечами.

На Караванной, где, согласно данным справочника «Весь Петербург», расположилось Военно-медицинское управление, Лунашука провели в архив. Именно там находилась небольшая комната, которую назвать кабинетом не поворачивался язык. Маленькая, квадратная, в три сажени площадью и маленьким окном под потолком, она больше напоминала тюремную камеру. Но вместо койки с тонким матрасом здесь стоял дубовый стол, в углу – железный, в рост человека сейф с железной ручкой. В противоположенном углу на стене расположились три крючка, на одном из них висело пальто.

Коллежский советник Варлаамеев выглядел на первый взгляд моложаво. В восемь вершков ростом, подтянутый, стройный, словно всю жизнь провёл на плацу. Короткие волосы также молодили его, но, присмотревшись, можно было отметить сеть тонких морщин вокруг глаз и рта, поблекшие, словно выцветшие, радужки. Ухоженный – но в то же время было в нём нечто неряшливое.

Александр Андреевич, не поднимаясь со стула, посмотрел на вошедшего чиновника для поручений как на очередного просителя. Прищурил глаза, прикидывая, кто и от кого мог к нему пожаловать.

– Разрешите? – Михаил Александрович не то чтобы ро-

бел, но не терпел такого взгляда и таких высокомерных, как ему показалось, людей.

– Прошу, – Варламейев продолжал сидеть, только кивнул головой на стул. – Чем обязан?

– Чиновник для поручений при начальнике сыскной полиции Николай Семёнович Власков, – отрекомендовался сыскной агент.

Архивариус вскинул в удивлении брови.

– Коллежский советник Варламейев, – потом добавил: – Александр Андреевич. Чем могу быть полезен сыскной полиции? Вроде бы у нас ничего не исчезало, – всё-таки связывал архивариус.

– Александр Андреевич... могу я вас так называть?

– Да ради бога. Что же вас всё-таки привело в такое учреждение, как наше?

– Вам знаком господин Власов, проживающий в Гродненском переулке?

– Николай Иванович? – архивариус снова вскинул брови. – А почему вы спрашиваете?

– Судя по вашему удивлению, вы знакомы?

– Ну да. Мы с ним приятельствуем уже, по крайней мере, лет двадцать.

– Стало быть, хорошо его знаете?

– Да что, чёрт возьми, случилось? Почему вы задаёте такие вопросы? Что-то с ним стряслось?

– А что с ним могло случиться? – насторожился Лунашук.

– Ну, не знаю. Приходит чиновник для поручений из сыскальной полиции и задаёт странные вопросы. Что бы вы сами подумали?

– Когда вы видели Николая Ивановича в последний раз?

– Вы скажите, в чём дело?

– Господина Власова и его служанку убили неделю тому, сейчас мы занимаемся дознанием по этому трагическому делу.

– Как убили? Не может такого быть!

– Так когда вы видели его в последний раз?

– Двадцать... – архивариус задумался, – четвёртого августа, – с уверенностью в голосе сказал Варлаамеев.

– Значит, двадцать четвёртого. И в котором часу?

– Вечером, а вот время... Да не следили мы за часами. Я его покинул, наверное, в полночь или чуть раньше. Засиделись мы.

– Вы были вдвоём?

– Да.

– У вас сложилось в обычае только вдвоём проводить вечера?

– Отчего же? В тот день мы засиделись допоздна с Николаем, а обычно к нам присоединяется Карл.

– Прапорщик лейб-гвардии Сапёрного батальона? – уточнил Лунашук.

– Совершенно верно, прапорщик фон Линдсберг.

– Вы не знаете, почему его в тот раз не было?

– Так служба, – усмехнулся Варлаамеев, и тут же на его лице появилось серьёзное выражение, лоб собрался в складки. – Какая утрата! Вы сказали, Николай убит?.. Мне не верится – только недавно мы сидели за столом, и...

– Его уже не вернёшь, – отозвался Михаил Александрович.

– Когда его убили?

– Скорее всего, двадцать пятого вечером.

– Надо же, – тяжело вздохнул Александр Андреевич. – А я хотел его навестить вечером, но не сложилось, – словно бы оправдываясь, быстро сказал архивариус, – может быть, тогда... – и умолк, потом торопливо добавил: – Если двадцать пятого, то я не на службе был, а ездил в Царское Село к сестре и вернулся только утром двадцать шестого.

– Об этом горевать не стоит – если убийца хотел лишиться жизни господина Власова, то непременно свой план воплотил бы в жизнь. Если не двадцать пятого, то в последующие дни, – сказал Лунащук, но отметил последнюю реплику Александра Андреевича.

– Не могу вообразить, что Николая уже нет в живых.

– Все мы смертны, – философски заметил Михаил Александрович. – Что вы можете сказать про фон Линдсберга?

– С ним тоже произошло несчастье? – вопросом на вопрос ответил Варлаамеев.

– Слава богу, нет. Но что вы можете рассказать о нём?

– Дружны были мы втроём, частенько собирались на квар-

тире то у Николая, то у Карла. А три года тому, когда у нашего товарища наступила чёрная полоса в жизни, он некоторое время жил у Власова на квартире.

– Долго жил?

Александр Андреевич задумался и провёл рукой по лбу.

– С год, наверное, а может быть, чуть меньше.

– Господин Варламеев, ваш приятель Власов делился, видимо, с вами многим?

– Не без этого.

– Не говорил ли он о назойливых господах или о врагах своих?

– Николай не из таких, чтобы, хотя бы и близким приятелям, жаловаться. Он все свои дела решал сам.

– Но, может...

– Нет, ничего я от него не слышал.

– Что вы можете сказать о фон Линдсберге?

– Он-то жив? – у Александра Андреевича дёрнулся глаз.

– Надеюсь, с ним всё хорошо. Но что о нём скажете?

– Что вас интересует?

Общение с госпожой Щепиной Николай Семёнович оставил напоследок. Те купцы, фамилии которых ранее назвал управляющий городской аукционной камерой Георг, толком ничего не рассказали. Повторяли почти одно и то же, только разными словами. Из всего сказанного Власков сделал однозначный вывод, что Власов сослуживцев не жаловал и в свободное от службы время с ними не общался. Некоторые намекали, вроде бы, на отношения Власова с Ольгой Николаевной, но отводили при этом в сторону глаза, то ли от стыда, то ли от ехидства.

К смерти бывшего сослуживца отнеслись с нарочитым безразличием. Ну, был такой Власов на свете, а сейчас не стало. Ну, и что изменилось? Солнце стало меньше тепла земле давать, или луна с неба исчезла? Смысл был один: умер человек, а жизнь всё равно продолжается, и проблемы, которые ежечасно и ежедневно возникают, никуда не делись. Так что...

Ольга Николаевна при известии о насильственной смерти Власова ослабела ногами и присела. Хорошо, что рядом оказался стул. Красивое лицо с умными глазами вмиг побледнело, даже яркие губы вдруг стали бледно-розоватого оттенка.

– Убили? – переспросила она и поправила прядь чёрных волос.

– Да.

– Он страдал от боли?

– Нет, смерть наступила практически мгновенно... Вы же с ним служили несколько лет? – уточнил Власков.

– Четыре года.

Спрашивать об отношениях Николаю Семёновичу не давала природная застенчивость, но долг всегда брал верх, и тогда, отводя в сторону глаза, сыскной агент расспрашивал о самом сокровенном.

– Ольга Николаевна – разрешите вас так называть?

– Будьте любезны.

– Простите меня за некоторые личные вопросы, – на лице Власкова выступили тёмно-алые пятна.

– Спрашивайте, – тихо сказала Щепина. – Он всё равно мёртв, а правду, как я понимаю, вам необходимо знать, чтобы найти убийц.

– Вы правы. Не припомните, не упоминал ли Николай Иванович о назойливых врагах, которые могли переступить черту и от злобы и ненависти лишить его жизни?

– Нет, ему повезло, что он не встречал таких людей, или ему казалось, что не встречал. Нет, недруги, конечно, у Коли, – это «Коля» резануло по ушам Власкова, – были, но чтобы дойти до такой степени озверения... не думаю.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Третьего марта девятьсот первого года.

– Вы так хорошо запомнили дату?

– Да, – сказала Ольга Николаевна и прикусила губу, потом посмотрела на Николая Семёновича. Её глаза застилала пелена слёз. – Именно в тот день мы разорвали наши отношения.

– По какой причине?

– Это столь важно для расследования его убийства?

– Не могу сказать, но иногда события и десятилетней давности играют существенную роль в уличении преступника.

– Коля слишком любил женщин, – Ольга Николаевна горько улыбнулась, – но поверьте, я не была очередной его пассией. У нас дело шло к венчанию, но так уж получилось.

– Почему Николай Иванович ушёл из аукционной камеры?

– Получил некоторое наследство, и необходимость в службе отпала сама собой. Не надо было думать о хлебе насущном.

– Именно тогда вы и расстались?

– Через месяц после его ухода из камеры.

– Вы так и не сказали о врагах.

Женщина улыбнулась уголками губ.

– Вы знаете...

– Николай Семёнович, – подсказал Власков.

– Вы знаете, Николай Семёнович, Коля относился к настоящим мужчинам. Он никогда не выказывал боли, никогда не жаловался на жизненные обстоятельства. Так что в этом вопросе я помочь вам не смогу.

– Но, может быть, приходили ему какие-то странные письма, или кто-то ему угрожал?

– Господи, да у нас каждый продавец недоволен тем, как прошли торги. Да и каждый покупатель после совершения сделки, хотя перед аукционом они чуть ли не пробуют на зуб продаваемое.

– Только лишь получение наследства подвигло Николая Ивановича уйти из камеры, или иные обстоятельства?

– Нет, только наследство.

– Благодарю, Ольга Николаевна. И простите меня за назойливость, – Власков развёл руками, – служба. Но если возникнут ещё вопросы, могу ли я вас побеспокоить?

– Пожалуйста, только найдите преступника.

– Карл гораздо моложе нас с Николаем Ивановичем. И господин Власов относился к нему, как к сыну.

– Фон Линдсберг не являлся ли родственником Николая Ивановича?

Варламеев с удивлением посмотрел на собеседника.

– Я об этом никогда не думал.

– Может быть, слышали, но не придали значения такому факту?

– Простите, Михаил Александрович, но вам стоит самому поинтересоваться у Карла.

– Непременно, – пообещал Лунащук. – Скажите, как вы познакомились с Власовым?

– Простите меня великодушно, но я не припомню – так давно это было.

– Хорошо, а кто познакомил вас и Николая Ивановича с фон Лидсбергом?

– Меня – Власов. Я как-то пришёл к Николаю, а там находился Карл. Так нас и познакомил хозяин квартиры.

– Когда случилось сие знаменательное событие?

Варламеев наморщил лоб и сжал губы, припоминая, когда Власов представил ему Карла, но так и не вспомнил. Просто отрицательно покачал головой.

– Точно сказать не могу, но года три-четыре тому.

– Карл нуждался в деньгах?

– Как и все молодые люди, – ответил Варламейев. – А почему вы спрашиваете? Николая убили из-за денег? – И, не дожидаясь ответа, продолжал: – Я говорил, что наследство пойдёт во вред, хотя тогда Власов отшутился, что я, мол, ему завидую.

– Николай Иванович часто помогал Линдсбергу деньгами?

– Простите, но мне он не докладывал. Знаю, что помогал, а какими средствами и как часто... – Варламейев покачал головой. – Вы этим поинтересуйтесь у самого Карла, он вам всё и поведаёт. Постойте, – Александр Андреевич подался вперёд так, что упёрся грудью в столешницу, – вы что, Карла подозреваете в злодейском умысле? – глаза его широко раскрылись, сделавшись похожими на две рублёвые монеты.

– Нет, – заверил Варламейева Михаил Александрович, – мы никого не подозреваем, как вы выразились, в злодейском умысле, но проверяем всех знакомых, родственников. Это обычная процедура, и поверьте, что в большинстве расследуемых дел причастными к совершённому преступлению оказываются либо родственники, либо кто-то из знакомых. – Заметив, что Александр Андреевич ещё раз дёрнулся всем телом и хотел сказать что-то нелицеприятное, Лунашук его опередил и сделал попытку успокоить: – Все дознания начинаются с таких расспросов. Иногда выплывает что-то такое, чего вы не брали в расчёт, а мы увидели под другим углом.

– Но так же нельзя! – возмутился Варламеев. – Вы своим подозрением...

– Александр Андреевич, каждый из нас занимается своим делом. Вот в ваши архивные дела никто из посторонних не вмешивается?

– Но...

– Вот именно, так позвольте и нам искать преступников своими методами.

Архивариус насупился.

– Если вы ничего нового добавить не можете, то позвольте откланяться, – Лунашук поднялся со стула.

Варламеев что-то пробурчал себе под нос, но Михаил Александрович не расслышал – он уже выходил из маленького кабинета архивариуса.

После разговоров с сотрудниками аукционной камеры у Николая Семёновича разболелась голова. Казалось, что кто-то изнутри колотит ногами и давит на глаза.

Как ни старался Лунашук отодвинуть неприятную, как он подозревал, встречу, но пришлось узнавать адрес племянника Бруно.

«Проходят годы...» – чиновника для поручений отчего-то охватило философское настроение. Этого самого Бруно он помнил сопливым мальчишкой – а теперь целый подпоручик. Видимо, с залихватскими усами и брезгливым выражением лица. Всё-таки служба в гвардии, хотя и почётна, но добавляет высокомерия офицерам.

После недолгих мытарств и некоторого своего рода унижения Михаил Александрович шёл на встречу, назначенную подпоручику Гринчуку-Лунашуку. Сыскной агент долго ломал голову, куда пригласить служивого родственника. Рестораций поблизости не наблюдалось. Идти в кофейню? Ну, не барышни же они, в самом деле, чтобы пирожными давить-ся. Портерная? Как-то несолидно... Вот и выбрал довольно уютный трактир «Знаменский», приютившийся на пересечении одноимённой улицы с Митавской. Дом в три этажа с высокими окнами и двумя небольшими балкончиками по фасаду. Но больше всего привлекало то обстоятельство, что в заведении можно было уединиться в отдельном кабинете.

Как ни странно, но Бруно, поглаживая закрученные вверх усы, явился минута в минуту. Чтобы, видимо, не привле-

кать к своей особе внимания, прибыл на извозчике и в цивильном платье. Его сразу же провели в отдельный кабинет, где на деревянном стуле восседал падишахом Лунащук. Увидев племянника, он поднялся и застыл, не зная, как обращаться к этому возмужавшему молодому человеку, в котором от бывшего юноши ничего не осталось. Офицерская выправка, высоко поднятая голова – и только глаза оставались неизменными: такими же озорными, как в детские годы.

Бруно подошёл к родственнику и обнял его.

– Здравствуй, дядя! – просто, без всякого пафоса и ёрничанья, произнёс племянник.

Михаил Александрович не ожидал такого приветствия. Горло сдавило так, что он не смог произнести ни звука. Когда садились друг против дружки, смахнул украдкой застлавшую глаза слезу.

– Я не знал, что ты будешь, – хриплым голосом сказал Лунащук, – но заказал кое-что.

– Это не важно, – чистый голос звучал с искренней доброжелательностью, и Бруно не прятал улыбку.

Уединение нарушил половой, поставивший перед сидящими запотевший графин с водкой и рюмки.

Михаил Александрович указал рукой – мол, наливать?

Племянник утвердительно кивнул, продолжая улыбаться.

Не успел Лунащук наполнить рюмки, как перед ними появились, словно бы из воздуха, тарелки с дымящейся стерляжьей ухой, расстегаи, солёные рыжики со сметаной, капу-

ста с тёмно-бордовыми вкраплениями клюквы и кусочками яблок.

– За встречу, – сыскной агент взял на себя обязанность хозяина, исходя из старшинства лет.

– За встречу! – вслед за ним повторил Бруно.

Не сговариваясь, закусил рыжиками.

– Это сколько ж лет мы не виделись? – спросил Лунащук.

– Восемь, – племянник взялся за ложку.

– Надо же, восемь лет, – сокрушённо покачал головой чиновник для поручений. – Как летят годы!

– Ты, дядя, спрашивай. Видимо, не для воспоминаний меня позвал.

– Ты прав, хотя... – Лунащук покачал головой, не решаясь продолжить.

– Если коротко, – Бруно подался чуть вперёд, – мама давно забыла про разногласия, приведшие к той ссоре. Она сокрушается, что общения не стало, но сама опасается сделать первый шаг, чтобы не получить в ответ отказ. Я вижу, и ты тоже?

– Совершенно верно. Эти опасения есть и у меня.

– Так что вы оба тянете. Мама скоро приедет из Крыма, где она с папой, – так непривычно было слышать эти «мама» и «папа» из уст вполне взрослого мужчины, – они каждый год уезжают туда, там климат более подходящий для них, – пояснил офицер.

– Почему не переезжают туда насовсем?

– Я им неоднократно задавал тот же вопрос, но они отмалчиваются. Хотя подозреваю, что не переезжают из-за меня и Кати.

– Извини, как поживает Катенька?

– Ты слышал, что она вышла замуж?

– Откуда?

– Вышла замуж за поручика моего батальона, прошу прощения, ныне штабс-капитана Подгородецкого. Может быть, помнишь его? Он к нам частенько захаживал и всё ждал, когда Катя повзрослеет. Вот и дождался, сейчас у них двое мальчиков – Сергей и Борис. Прости, что я всё о нас да о нас. Как ты сам? Женился, небось, и детей нарожал?

– Увы, одинок, как перст.

– Неужели Ольгу забыть не можешь?

– Не могу, – сквозь зубы ответил Лунащук.

– Прости, я не хотел бередить былую рану.

– Ничего.

Это была давняя история. Михаил, в те времена, когда был молод, полон сил и планов, сделал предложение Ольге из древнего дворянского рода Киреевых, известного со времён Великого князя Василия III. Но судьба распорядилась иначе. Отпраздновали обручение, назначили время и место проведения свадьбы. Начали к ней готовиться, но невеста уехала на некоторое время в родовое имение и там заболела, слегла. Врачи не смогли помочь. И несостоявшийся муж стал невенчанным вдовцом. С тех пор Михаил Александрович и

бросился с головой в омут службы, отдавая иной раз всего себя сыскному делу, хотя мог воспользоваться протекцией и стать к своим годам если не вице-губернатором, то полицмейстером наверняка.

– Как у тебя проходит служба? – спросил он племянника.

– Обычно. Со дня на день ожидаю следующего чина.

– Поздравляю.

– Пока, дядя, не с чем. Но вот, хотя не хочу расстраивать родителей, сразу же попрошусь в действующую армию. Хватит штаны протирать, пора пороха понюхать.

– Стало быть, на восток.

– Так точно, надо же японцам жару дать.

– Как бы зубы о них не обломать. Но не будем об этом. Не хватало нам старых разногласий, чтобы приплюсовывать к ним новые.

– Вера знает о твоих планах? – спросил Михаил Александрович, имея в виду мать Бруно.

– Догадывается. Но, дядя, – в словах племянника послышались былые нотки, словно у прежнего юноши Бруно, – я же военный, и моё место на поле брани, а не в тылу под крылом у матушки.

– Не подумай, что я тебя отговариваю от такого шага, упаси господь. Ты уже взрослый человек и вправе сам решать, каким путём идти. Но, прошу, не делай Вере больно, поступай со всей присущей тебе деликатностью. Ведь одно и то же можно сказать по-разному.

– Дядя, неужели ты думаешь, что я не понимаю, как надо поступить?

– Я думаю, что ты давно вырос, – усмехнулся Лунащук, – и поэтому поступишь правильно.

С минуту помолчали. Половой принёс котлеты из рябчиков, бараний бок с гречневой кашей и новый графин.

Михаил Александрович не чувствовал опьянения, словно бы водка была простой ключевой водой. Налили снова по рюмке. Глаза Бруно тоже не слишком блестели от выпитого. Видимо, не до конца исчезнувшее между ними напряжение давало о себе знать.

– Дядя, – наконец набрался смелости племянник и первым перешел к теме, интересующей чиновника для поручений, – ты же не просто так меня позвал? Видимо, есть веская причина?

– Как не прискорбно мне признавать, но есть, – и Лунащук закусил губу.

– Я слушаю, – и Бруно торопливо добавил: – не подумай ничего худого, но я рад, что мы встретились, пусть даже причиной тому стала твоя служба.

– Да, ты прав. Куда ж мы без службы.

– Так я слушаю.

– Не пойми меня превратно, – начал Михаил Александрович, облизнув губы, – но у меня есть вопросы по Сапёрному батальону.

– Надеюсь, ты не служишь в германской разведке? –

усмехнулся Бруно.

– А почему германской?

– Они проявляют большую активность, чем англичане и французы.

– Неужели...

– Только давай, дядя, поговорим о другом, более насущном и земном.

– Хорошо. Ты давно служишь в батальоне?

– Давно, с первого дня выпуска из училища.

– Значит, знаешь всех офицеров?

– Более или менее, – уклонился племянник от прямого ответа.

– Тебе знаком Карл фон Линдсберг?

– Карл? – подпоручик вскинул брови. – Что он натворил по преступной части?

– Есть повод для беспокойства?

– Это я так, к слову.

– Только между нами.

– Дядя, – Бруно картинно приложил правую руку к левой стороне груди, – могила. – Последнее слово прозвучало как-то по-кадетски.

Мечислав Николаевич обрадовался, когда Лунашук сообщил, что первым знакомым убиенного числился архивариус Военно-медицинского управления коллежский советник Варламеев с именем-отчеством Александр Андреевич, а вторым – прапорщик фон Линдсберг из лейб-гвардии Сапёрного батальона, точнее, Карл фон Линдсберг.

Только одному человеку Власов то ли суживал, то ли дарил деньги, но эти суммы, уходящие таинственному незнакомцу, всегда заносились в статью «расходы». Некий М. Д. С.

И ещё один господин был скрыт под инициалами К. Л. Уж не Карл ли это любезный фон Линдсберг?

А. А., А. В. или В. А. – не скрывается ли за этой аббревиатурой господин Варламеев Александр Андреевич? Если первый с регулярностью брал деньги, но и так же регулярно возвращал, то последний задолжал немалую сумму. Если быть точным, то девять тысяч восемьсот рублей, а время возврата денег стремительно приближалось.

В. А. Здесь стоит посоветоваться с Филипповым и не пороть горячку.

Кроме того, согласно амбарной книге, ещё два господина задолжали Власову. Это некие Г. Р. и С. П.

За несколько дней до убийства Власов ссудил (точнее, по-

дарил или отдал) три тысячи рублей – во всяком случае, в книге сумма числилась в графе «без возврата» – тому же самому М. Д. С.

– Итак, у вас в батальоне есть прапорщик Линдсберг...

– Карл фон Линдсберг, – перебил Лунашука племянник, – правильное будет «прапорщик фон Линдсберг».

– Значит, ты с ним знаком?

– Не так, чтобы близко мы с ним сошлись, но батальон невелик, поэтому мы знаем друг о друге все новости.

Бруно замолчал. Михаил Александрович не торопил, а терпеливо ждал продолжения.

– Знаю, что у фон Линдсберга хороший покровитель, всегда снабжал его деньгами. Ведь на наше жалование, – подпоручик усмехнулся, – не проживёшь. А мы, как ты видишь, молоды и полны сил. Рестораны, клубы, ну и, конечно же, дамы. На всё это требуются, увы, денежные знаки. Хорошо, если твоя семья богата, а если нет? Но я не строил догадок, почему некий господин снабжает прапорщика фон Линдсберга деньгами. Это, в сущности, не моё дело.

– Значит, прапорщик в деньгах не нуждался?

– Я бы так не сказал, – Бруно на миг остановился, стал серьёзным, потом добавил: – Дядя, ты же понимаешь, что я не вправе рассказывать о том, что происходит в батальоне.

– Бруно, убит человек, и вполне возможно – благодетель прапорщика. Нам надо найти и наказать преступника. Для этой цели нам необходимо допросить всех, в том числе и фон

Линдсберга.

– Я понимаю, но...

– Да, дело чести превыше всего, но ты представь, что убийца будет ходить по земле и сорить похищенными у убитого деньгами. Разве это справедливо?

Подпоручик молчал, только играл желваками.

– Но ведь...

– Бруно, ты не сделаешь ничего противоречащего чести. Мы рано или поздно добудем сведения, но иногда бывает именно что поздно. Преступник может ускользнуть или уничтожить то, что связывает его с преступлением.

– Хорошо, – тяжело вздохнул подпоручик, – спрашивай.

– Так нуждался прапорщик в деньгах или нет?

– Лунашук нахмурил лоб.

– В последнее время Карл пристрастился к игре в карты, а там, как ты знаешь, всё зависит от фортуны. Порадует она тебя или в геенну огненную ввергнет.

– Стало быть, он имел нужду, как ты говоришь, в денежных знаках?

– Имел.

– Ты уверен?

Бруно опять усмехнулся.

– Знаю доподлинно, даже знаю, кому он проиграл немалую сумму и должен был в конце прошлого месяца карточный долг вернуть.

– Любопытно, – сказал чиновник для поручений и потёр

подбородок.

– Дядя, ты прости, но я не должен был бы тебе этого говорить. Я не хочу прослыть пособником полиции, – глаз племянника дёрнулся.

– Бруно, – вполне серьёзным голосом произнёс сыскной агент, – то, о чём мы беседуем, не выйдет за стены трактира. Я даю слово чести.

– Хорошо, – подпоручик налил из графина по рюмке. – Он задолжал три тысячи штабс-капитану Зеленскому.

– Теперь скажи – вы же, военные, отдельная каста, не пускающая в свои ряды посторонних – к кому я могу обратиться, чтобы мне разрешили побеседовать с фон Линдсбергом и Зеленским?

– Наш командир генерал Иванов ныне находится в отпуску, за него исполняет должность полковник Тарасевич. Мих-Мих по-нашему, Михаил Михайлович. Грамотный, думающий, но я бы посоветовал, чтобы начальник сыскной полиции... кто там у тебя начальник?

– Филиппов Владимир Гаврилович.

– Вот, чтобы этот самый Филиппов телефонировал полковнику. Он щепетилен в этих вопросах. Если явишься сам, то получишь от ворот поворот. А ещё лучше, если сам начальник твой явится в канцелярию батальона.

– Когда можно прибыть в батальон?

– С часов девяти утра Мих-Мих на службе.

– Таким образом, возможно, это был Карл фон Линдсберг, – докладывал Кунцевич Владимиру Гавриловичу после доклада Лунашука, – для которого Власов являлся благодетелем, и он же снабжал прапорщика деньгами.

– Вы тоже придерживаетесь такого мнения? – обратился Филиппов к Михаилу Александровичу.

– Да, – ответил последний.

– Допустим, вы, господа сыскные агенты, правы. Допустим, – задумчиво сказал начальник сыскной полиции, – завтра мы с вами, Михаил Александрович, уточним нужные сведения в батальоне и у самого прапорщика фон Линдсберга. Чем, Мечислав Николаевич, душу согреете?

– У меня есть догадка, что В. А. – это приятель Власова Варлаамеев Александр. За ним числится долгов почти на десять тысяч рублей.

– Вы думаете, он нам говорит неправду?

– Вполне допускаю, – вмешался в разговор Лунашук, – мне показалось, что его не было у сестры в указанный им же самим день.

– Так проверяйте, Михаил Александрович. Пока мы беседуем здесь, он может навестить сестру и создать себе прочный тыл.

– Простите, Владимир Гаврилович, но я не привык дове-

рять словам одного свидетеля. Я обязательно проверю, помнит ли полицейский на дебаркадере прибытие нашего Варламеева, потом опрошусь соседей. Обязательно найду и расспрошу кондуктора. Ну и последней проверенной будет сестра. Так что, Владимир Гаврилович, я изучу Александра Андреевича, как букашку под микроскопом.

– Хорошо, – сказал Филиппов и повернул голову к Кунцевичу. – У вас, Мечислав Николаевич, от перестановки букв голова не болит? Поступим таким образом: завтра вы проверяете Варламеева, – Кунцевич что-то хотел сказать, но воздержался, – а мы с Михаилом Александровичем посетим Сапёрный батальон.

Дверь отворилась, и перед сидящими предстал Власков. Он встряхнул головой, словно лошадь в упряжке.

– Простите, задумался.

– Проходите, Николай Семёнович. Чем сегодняшний день вас порадовал?

– Убийцу не отыскали? – не утерпел Лунашук. Иногда его заносило, и он свысока смотрел на Власкова.

– Михаил Александрович, – укоризненно посмотрел на чиновника для поручений Владимир Гаврилович и покачал головой.

– Увы, к счастью для вас, не обнаружил, – Власков не стал дальше развивать тему, хотя с языка готовы были сорваться язвительные слова. – Всего лишь познакомился с дамой, как писал Николай Васильевич Гоголь, приятной во всех отно-

шениях.

– Мы здесь копыя ломаем, а наш Власков...

– Михаил Александрович, – повысил голос Филиппов.

– Умолкаю, – Лунащук поднял руки.

– По вашему указанию я посетил аукционную камеру. Поговорил там с управляющим господином Георгом и сотрудниками, которые служили вместе с Власовым. Как он попал в компанию к купцам, честно говоря, я так и не смог выяснить. Но все относились к Николаю Ивановичу, как к варягу. Близо он ни с кем не сошёлся, вёл себя немного... – Власков запнулся.

– Высокомерно, – подсказал начальник сыскной полиции.

– Вот именно, высокомерно. Но с одним человеком он всё-таки сошёлся, – теперь настала очередь Николая Семёновича свысока посмотреть не на всех присутствующих, а на одного Лунащука. Все молчали. – Это незамужняя дама, помощник бухгалтера. Состояла долгое время в связи с Власовым, и разорвали они отношения через месяц после его ухода из камеры.

– Какова причина разрыва? – серьёзным тоном поинтересовался Владимир Гаврилович.

– Убиенный был Казановой, по словам Ольги Николаевны, не пропускал ни одной юбки.

– Казанова, значит. Из сослуживцев кто-нибудь об этой его черте говорил?

– Увы, каждый из них клятвенно уверял, что Власов ни с

кем из них никогда не откровенничал.

– Не находите странным – столько лет служить бок о бок, а ничего друг о друге не знать?

Никто не ответил.

– Так, – продолжал Филиппов, – и что же поведала госпожа... – он посмотрел на Власкова, ожидая подсказки.

– Щепина Ольга Николаевна, – сообщил Николай Семёнович.

– Что госпожа Щепина поведала о причинах ухода Николая Ивановича из камеры?

– Банальная история – получение наследства.

– И велико ли наследство, что досталось нашему покойнику?

– Суммы точной не знаю, но достаточно, чтобы бросить службу и жить на проценты от ссуживаемых денег.

– Ясно. То есть можно подвести предварительные итоги, – Владимир Гаврилович щипал ус и смотрел в окно. – Теперь на подозрении два человека, и оба являются приятелями господина Власова. Первый – это коллежский советник Варламеев, возможно, имевший денежные обязательства перед убитым на сумму в десять тысяч. Могу добавить, что точно мы этого не знаем, поэтому вы, Мечислав Николаевич, занимаетесь либо подтверждением алиби вышеуказанного господина, либо... Второй наш подозреваемый – прапорщик фон Линдсберг, состоящий, или, правильнее сказать, состоявший на содержании у Николая Ивановича. И в

последнее время увлѣкшийся игрой в карты, задолжав при этом большую сумму сослуживцу. А как вы знаете, долг чести каждый обязан отдать вовремя. Кроме вышесказанного, мы имеем показания дворника, который видел высокого человека в шинели Сапѣрного батальона, вначале входящего в дом, а спустя некоторое время уходящего из дома. Но при этом свидетель не может показать, прапорщик это был или нет. Пока, господа сыскные агенты, мы имеем такой расклад.

– Я бы не исключал Щепину, – ни к кому конкретно не обращаясь, произнёс Власков.

– Возможно, но сомнительно, – Филиппов посмотрел на Николая Семёновича. – Сколько времени тому они разорвали отношения?

– Три года.

– Вот и ответ. Неужели вы думаете, что женщина вынашивала план мести целых три года?

– Ну...

– Николай Семёнович, женщины либо мстят сразу, либо оставляют в прошлом старые связи, – наставительным тоном произнёс Лунашук.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Власков.

Филиппов тяжело вздохнул и с минуту поразмышлял, тербя пальцами ус.

– Господа, мы забыли об одном обстоятельстве, – наконец произнёс Владимир Гаврилович.

Три пары глаз выжидательно уставились на начальника

сыскной полиции.

– Мы с вами не проверили завещание господина Власова. Кому должны достаться капиталы нашего Казановы? Вот завтра с утра, Николай Семёнович, этим и займитесь. Как я понимаю, с аукционной камерой вы завершили?

Исполняющий должность командира лейб-гвардии Сапёрного Батальона полковник Тарасевич скривился, словно от зубной боли, когда его адъютант, штабс-капитан Тотлебен доложил о приходе двух гражданских лиц, представившихся как начальник сыскной полиции столицы Филиппов и его помощник.

– Что им надо? – спросил Михаил Михайлович, стоящий у окна.

– По вопросам службы.

– Нашей или их? – пробурчал высокий и стройный, довольно молодой полковник, обратив взор серых глаз на штабс-капитана. Немного подумал. – Пригласите.

Тотлебен вышел.

Через несколько секунд дверь отворилась, и вошли два господина. Один – низкорослый, плотный в кости, с пышными усами, держал в руке шляпу.

Адъютант не прислуга, промелькнуло в голове у полковника.

– Начальник сыскной полиции надворный советник Филиппов Владимир Гаврилович, – отрекомендовался вошедший после того, как поздоровался, и тут же представился второй:

– Чиновник для поручений Лунашук.

– Чем обязан, господа? – голос полковника звучал начальственно-глухо, но вполне отчётливо. Видимо, выработал за время службы.

– Господин полковник, разрешите? – Филиппов указал на стул.

– Да, присаживайтесь, простите, что не предложил, – Тарасевич прошёл к столу и сел напротив Владимира Гавриловича, устремив холодный взгляд на нежданного гостя. – Как я понимаю, разговор предстоит непростой и долгий? – в его тоне послышалась иронические нотки.

– Михаил Михайлович, вы не будете против, если я буду вас так называть? Мы – люди штатские.

– Хорошо, – кивнул полковник. – Так с чем вы к нам пожаловали? Кто из моих сорванцов, – последнее слово было произнесено Тарасевичем с какой-то отеческой нежностью, – отличился на сей раз?

Филиппов про себя отметил это «на сей раз».

– Михаил Михайлович, – нарочито глубоко вздохнул Владимир Гаврилович, – нашей службе поручено дознание тяжких преступлений, в том числе убийств. – На лице полковника появилось заинтересованное выражение, и он подался вперёд.

– Так вот, сейчас мы расследуем обстоятельства насильственной гибели одного горожанина, и по воле злого рока один из ваших офицеров, – глаза исполняющего должность командира батальона сузились, – оказался давним знакомым

убитого. Поэтому нам хотелось бы его расспросить и задать несколько вопросов, имеющих важное значение. Не исключено, что они помогут нам в изобличении преступника.

– Владимир Гаврилович, если я правильно понял, офицер приятельствовал с убитым?

– Совершенно верно.

– То есть он не в подозрении?

– Ни в коей мере, – заверил Филиппов. – Просто некоторые обстоятельства побудили нас обратиться к вам, его непосредственному начальнику, чтобы вы позволили поговорить с офицером. Действовать в обход вас мы не сочли уместным.

– Благодарю за доверие, – серьёзное выражение лица Тарасевича дополнилось сведёнными на переносице бровями. – Значит, мой офицер всё-таки остаётся в подозрении?

– Михаил Михайлович, если говорить откровенно, то в качестве свидетеля.

Полковник задумался.

– Неприятно это, господа, неприятно даже то, что он свидетель. Мы живём не в лесу, – полковник наморщил лоб и потёр пальцами, – пойдут разговоры, а мы не какие-то там штафирки. – он взглянул на Владимира Гавриловича, но последний не повёл даже бровью, – а гвардия. Не хотелось бы, чтобы кто-то из батальона был замешан в преступлении и нашу часть трепали бы в газетах журналисты.

– Мы сделаем всё возможное, чтобы лишние сведения не просочились в печать.

– Насколько я понимаю, если я вам откажу в возможности допросить офицера, то вы дойдёте до военного министра?

– Мне кажется, до крайностей не дойдёт.

– Правильно думаете. Так кто вас интересует?

– Прапорщик фон Линдсберг.

– Значит, вы пришли не только поговорить с самим фон Линдсбергом, но и узнать о его поведении?

– Именно так, если возможно.

– Отчего же? Прапорщик в противоправных действиях не замечен, исполнитель, грамотный командир. Здесь ничего порочащего сообщить не могу. А побеседовать с ним вы не сможете, – встретив удивлённый взгляд Филиппова, полковник торопливо добавил: – нет, не из-за моего упрямства или запрета. Прапорщик двадцать пятого августа получил отпуск на десять дней и выехал в имение, которое находится, – он заглянул в бумаги, – в Жагорской волости Шавельского уезда.

– Сегодня шестое. Когда он должен вернуться?

– Увы, третьего пришла телеграмма, в которой прапорщик просит об отсрочке отпуска в связи с болезнью.

– Что ж, извините, Михаил Михайлович, стало быть, зря мы вас потревожили, – Филиппов поднялся со стула. – Простите, последний вопрос. Вам не известна дата отъезда прапорщика?

– Он собирался уехать двадцать шестого.

– Простите. Прапорщик не выглядел обеспокоенным или

взволнованным?

– Увы, господа, обеспокоенность присутствовала, ведь кто-то у него заболел, и ему доставляла беспокойство повреждённая накануне рука. Он с трудом написал рапорт.

Филиппов и Лунащук переглянулись, у обоих промелькнула одна и та же нехорошая мысль.

Со штабс-капитаном Зеленским беседа состоялась в отдельном кабинете питейного заведения. Высокий, стройный, с тонкой полоской усов на ироническом лице, Александр Иванович не слишком жаловал статских. Как почти все его родственники, он с детства воспитывался с одной мыслью, внушаемой старшим поколением, что единственная достойная служба для дворянина – армейская, а всё остальное – для ленивых и не слишком умных людей.

Вначале штабс-капитан не хотел рассказывать о взаимоотношениях с фон Линдсбергом, но спустя некоторое время (видимо, выпитое вино дало о себе знать) он рассказал, что да, он выиграл в карты у Карла некоторую сумму. Действительно, три тысячи рублей. Срок оплаты долга был назначен на двадцать шестое августа. Именно в тот день прапорщик с самого утра явился к Александру Ивановичу и вручил требуемую сумму. Правая рука? Да, была повреждена. Нет, ничего он не рассказывал. Вручил деньги и откланялся. В тот же день он собирался отъехать в отпуск. Более его не видел.

Проведённый в тот же день обыск на квартире, где прожи-

вал прапорщик фон Линдсберг, не дал ожидаемых результатов.

Хотя как посмотреть. Кое-что всё же обнаружилось: окровавленное полотенце, небрежно брошенное в уборной комнате, и две ассигнации по двадцать пять рублей с номерами из амбарной книги убитого Власова.

III

1

Выехать сразу же по завершении обсуждения плана дознания не представилось возможным. Необходимо было заручиться поддержкой директора Департамента полиции и какими-нибудь официальными бумагами, в том числе и прокурорской – для задержания фон Линдсберга. Хотя Ковенская губерния и относилась к Российской империи, но всё-таки имела свои традиции и негласные законы. К центральной власти относились с определённым почтением, но не более. Столица далёко, а местные властители здесь, под боком, и поэтому население больше заглядывало в рот местным, нежели приезжающим на время «варягам».

К главе Департамента Филиппову попасть не удалось, зато его принял вице-директор Войтов, но тут же направил во второе делопроизводство к действительному статскому советнику Зуеву.

Нил Петрович внимательно выслушал начальника сыскной полиции, закусил нижнюю губу, словно бы что-то прикидывал на невидимых счётах.

– Да, – сказал Нил Петрович, – вы правы. В данном случае слишком подозрительным выглядит поведение этого само-

го прапорщика, да и притом, вы сказали, что Брончинский установил: у убийцы повреждена рука. Н-да, вы упомянули, что тот несчастный господин снабжал деньгами гвардейца, — он как-то стушевался, пошарил руками по столу, — вы же, любезный Владимир Гаврилович, получали циркуляр из Департамента полиции, если не ошибаюсь, за номером десять — двести семьдесят?

— Это о злоупотреблениях званиями и служебными бумагами? — Филиппов позабыл за прошедшие дни о присланном из центрального управления документе.

— Совершенно верно, — Нил Петрович прикусил нижнюю губу, потом пытливо посмотрел на начальника сыскной полиции. — Надеюсь, в данном случае не последует, — он запнулся, — каких-то неприятных историй?

— Нил Петрович, — щёки Филиппова пошли пятнами, — мы...

— Успокойтесь, Владимир Гаврилович, я же понимаю, что мы в России не видим середины, у нас либо всё плохо, либо хорошо. Вот и мотаемся от одной крайности к другой... — Он вызвал секретаря и распорядился составить бумагу, чтобы местные власти не чинили препятствий в проведении дознания, а наоборот, помогли в столь нелёгком деле, как дознание убийства. — Надеюсь, вы арестуете супостата, и тем самым свершите правосудие. — Поставил размашистую подпись на принесённой бумаге.

— Мы сделаем всё, что в наших силах и возможностях, что-

бы убийца был разыскан и предан суду, – Владимир Гаврилович поднялся, слегка наклонил голову и вышел из начальственного кабинета.

– Вот вам, господа, бумага от начальника Второго отделения Департамента полиции, – напутствовал Владимир Гаврилович чиновников для поручений Лунащука и Кунцевича и, заметив удивлённый взгляд одного из них, развёл руками. – Да, господа, не от вице-директора и тем паче не от директора Департамента, а от действительного статского советника Зуева. Всё-таки вы из столицы, и бумага о содействии дана не петербургским градоначальником, а человеком, имеющим не последнее слово в нашей богадельне. – Филиппов невесело усмехнулся. – Нет, господа, вдвоём вам там делать нечего. Вы справитесь, пожалуй, один, – начальник посмотрел на Кунцевича. – А вы, Михаил Александрович, нужны здесь. Кроме наших трупов, – на его лице вновь появилась улыбка, – у нас достаточно иных дел.

– Владимир Гаврилович, мне арестовывать Линдсберга? – спросил Кунцевич.

Начальник сыскной полиции ни на миг не задумался.

– Конечно, – и положил на стол бумагу, подписанную прокурором.

– Владимир Гаврилович... – собирался было возразить Мечислав Николаевич, но, увидев подпись прокурора Судебного округа, в состав которого входила соседняя губерния, так ничего и не произнёс.

– Привезите его сюда. Всё говорит против прапорщика. И шинель, – Филиппов потерябил ус, – и внезапный отъезд, и выплаченные карточные долги, и повреждённая рука, и найденные во время обыска несколько купюр с номерами из запасов убитого Власова.

– Может быть, кто-то намеренно нам внушает, что господин фон Линдсберг и есть убийца? – подхватил мысль начальника Лунащук.

– Вы верно, Михаил Александрович, заметили – внушает. А если говорить откровенно, то улики внушают. – И многозначительно повторил по слогам: – у-ли-ки. Хотя чего в жизни не бывает. Кстати, не забудьте, что Брончинский указал: убийца то ли порезал руку, то ли сильно оцарапал. Обратите внимание на это обстоятельство при аресте.

Снова вернулись к обсуждению, словно вчерашним днём не заседали, делясь полученными сведениями.

– Странно всё-таки... Да, и хорошо бы мне выехать, зная содержание завещания Власова, – добавил Кунцевич. – Может быть, всплыли бы иные люди, заинтересованные в безвременной кончине Николая Ивановича.

– В котором часу отходит поезд? – Филиппов вроде бы и не обратил внимания на последние слова Кунцевича.

– За двенадцать минут до полуночи.

– Я думаю, к вечеру вы будете знать, кто является наследником господина Власова. Николай Семёнович расстареется. Кстати, какой дорогой вы намерены попасть в Шавли?

– Я уже прикинул, – Кунцевич посмотрел на Филиппова. – Вначале на поезде Петербург – Варшава до станции Кошедары, – Мечислав Николаевич улыбнулся, больно уж название забавное, – а уж потом через Ковно до Шавли. Ну, а там уже по обстоятельствам.

– Каким поездом намерены отправиться в путь?

– Скорее всего, сорок третьим пассажирским, он прибывает в полдень в Кошедары, там переседаю на другой поезд.

– Владимир Гаврилович, я не до конца понимаю. Зачем Мечиславу Николаевичу ехать в эти самые Шавли? Мы же можем запросить местную полицию, чтобы арестовали подозреваемого.

– Вы говорите верно, – Филиппов провёл пальцем по усам, – но есть некоторые, так сказать, неприятные нюансы. В частности, власти наших западных областей с большой неохотой, это я мягко говорю, идут нам навстречу. Там всюду слишком глубоко проникло убеждение, что местных, даже преступников, нельзя выдавать российским властям. Поверьте, я знаю это из первых рук, ибо сам служил в Польском царстве. Другие вопросы есть?

– Но ведь они... – начал Михаил Александрович, но его перебил начальник.

– Там вам придётся полагаться на самого себя, поэтому бумагой, полученной от господина Зуева, размахивать направо и налево не надо. Надеюсь, ясно?

– Да, – кивнул головой Кунцевич.

До приезда чиновника для поручений из Ковенской губернии необходимо было проверить некоторые обстоятельства и собрать сведения. Власков вначале не знал, с чего начинать поиски нотариуса, который заверил духовное завещание. Не будешь же объезжать всех по списку? Хотя можно было начать с имеющих конторы поблизости. Но потом он всё-таки решился обратиться к господину Варламееву. Действительно, оказалось, что в Петербурге Власов не имел родственников. Жил Николай Иванович безвыездно в столице. С имения, полученного в наследство, получал только деньги. Один раз он встречался с шумным господином, занимавшимся управлением хозяйства. Лев Борисович, невысокий мужчина шестидесяти с лишком лет, был толстяком с отвисшим брюшком, но при этом – подвижным и деятельным. Наговорил новому хозяину с три короба, наобещал золотые горы и уехал. И в самом деле не обманул, регулярно присылал оговоренную сумму. Власов не пытался узнать, обманывает ли его управляющий, рассуждая: каждый живёт так, как позволяет совесть, а если не совесть, так складывающиеся обстоятельства.

– Простите за вынужденное беспокойство, Александр Андреевич, – Власков смущённо улыбался, словно явился в Военно-медицинское управление к архивариусу Варламееву с

нижайшей просьбой, – но так складываются обстоятельства.

– Здравствуйте, Николай Семёнович, – хотя лицо архивариуса не выражало никаких эмоций, но некоторая бледность выступила на щеках, и глаза загорелись неприязнью. – Вы нашли убийцу?

– Увы, – развёл руками чиновник для поручений, – обнаружить преступника нам пока не удалось, но мы уверены, что идём верным путём.

– Тогда что привело вас ко мне? – голос звучал отнюдь не приветливо, даже с каким-то непонятным вызовом.

– Вы же были одним из близких друзей господина Владова?

– Допустим, был.

Николая Семёновича покорило это «допустим», но он не подал вида.

– Видимо, он делился с вами некоторыми секретами?

– Возможно.

– Александр Андреевич, у Николая Ивановича имелось завещание?

– Конечно, – Варлаамеев не выказал удивления.

– Не будете ли вы так любезны назвать мне фамилию человека, приложившего руку к написанию сего документа?

– Воздвиженский Дмитрий Иванович, адрес – Невский, сто восемь, – торопливо сказал архивариус, словно хотел быстрее донести сведения до сыскного агента, потом столь же торопливо добавил: – если мне не изменяет память.

– Может быть, вам известно и содержание документа?

– Нет, мне Николай ничего не говорил. Возможно, Карл знает о нём.

– Вы говорите о прапорщике фон Линдсберге?

– Да.

– Власов отличался скрытным характером?

– Я бы так не сказал, – после этих слов Варлаамеев словно бы споткнулся, затем продолжал: – но иной раз в нём появлялось некое чувство таинственности, и то, что он не хотел озвучить, из него было не вытянуть никакими железными клещами.

– Благодарю, Александр Андреевич. Значит, Невский, сто восемь.

– Я не уверен, но, кажется, так.

Контора нотариуса Воздвиженского находилась в первом этаже вышеуказанного дома. Несколько помещений занимало само заведение, а этажом выше в шести комнатах расположился Дмитрий Иванович с семейством.

Степенного вида господин принял Власкова сразу же – видимо, выдалась свободная минута.

– Садитесь, – нотариус плавным жестом указал на кресло, стоящее у окна возле невысокого журнального столика. – Извините, не расслышал вашего имени-отчества.

– Николай Семёнович, – подсказал сыскной агент, – чиновник для поручений при начальнике сыскной полиции

Власков, – ещё раз представился он.

– И что потребовалось сыскной полиции от меня? – с недоумением посмотрел на Николая Семёновича Воздвиженский. – Вроде бы я не телефонировал к вам?

– Простите, но по служебной надобности приходится отвлекать вас от дел. У вас заверял духовное завещание некий Власов...

– Извините, я многим помогаю составлять и заверять документы, не только духовные. А Власов – довольно распространённая фамилия.

Дмитрий Иванович лукавил – Николая Ивановича он помнил довольно хорошо. Последний довольно часто обращался к Воздвиженскому за помощью.

– Николай Иванович Власов, проживающий в Гродненском переулке.

– Припоминаю, но, увы, вам лучше обратиться к господину Власову, ежели он позволит вам заглянуть в завещание.

– К великому прискорбию, Николай Иванович уже никогда не сможет дать согласия.

На лице Воздвиженского появилось заинтересованное выражение.

– Не смею предположить ничего трагического, но... господин Власов жив? – чуть ли не шёпотом спросил Дмитрий Иванович.

– Николая Ивановича, – Власков сделал паузу, – убили, поэтому он не сможет дать нам согласия на прочтение заве-

щания.

– Убили? – так же тихо переспросил Воздвиженский.

– Да.

– Какое несчастье!

– Для кого? – с едва скрываемым раздражением спросил Власков.

– Как для кого? Для родственников и друзей Николая Ивановича!

– Дмитрий Иванович, теперь вы можете мне сказать, кто упомянут в завещании?

– Николай Семёнович, если не ошибаюсь?

– Совершенно верно.

– Я не могу полагаться на слова даже чиновника для поручений. Вы меня поймите, я вынужден хранить тайну до тех пор, пока не удостоверюсь в ваших словах.

– Что ж, разумно. У вас, я надеюсь, есть справочник всех номеров телефонов города?

– Конечно.

– Я предлагаю вам телефонировать моему начальнику Владимиру Гавриловичу Филиппову и у него удостовериться: служит ли под его началом Николай Семёнович Власков?

Через пять минут, когда уставшего от свалившихся на него дел Филиппова соединили с нотариусом, Владимир Гаврилович подтвердил, что это он, начальник сыскной полиции, направил Николая Семёновича Власкова для выяснения некоторых обстоятельств, касающихся духовного заве-

щания убитого накануне господина Власова.

– Извините, господин Власков, – нотариус развёл руками, – но в нашем деле нельзя верить на слово первому пришедшему. Вы даже не представляете, сколько на свете мошенников.

– Оставим политесы другим, – улыбнулся Николай Семёнович, – давайте перейдём к делу. Вы помните Власова?

– Само собой, мы виделись, не так чтобы часто, но достаточно, чтобы его запомнить.

– Может быть, вы помните и содержание его завещания?

– Отчего же, помню.

– И можете рассказать о его содержании?

– Там всего-то один или два пункта. Наследником всего движимого и недвижимого имущества, денежных средств объявлялся некий господин фон... Лисберг.

– Может быть, фон Линдсберг?

– Вы правы, если память мне не изменяет, то Карл фон Линдсберг. – Воздвиженский поднялся.

– Если вас не затруднит подождать минутку, то, возможно, я смогу помочь вам.

– Да, я подожду, – кивнул Власков.

– Ну так вот. Некоторая сумма назначена некой Степанидовой, – Дмитрий Иванович посмотрел поверх очков на чиновника для поручений. Видимо, хотел убедиться, знает ли Николай Семёнович эту фамилию. – Пожалуй, больше никто не упомянут.

– Значит, только один наследник?

– Совершенно верно.

– Благодарю, Дмитрий Иванович, за содействие.

– Неужели убийца – Линдсберг?

– Спешу вас разочаровать, – Власков поднялся со стула, держа шляпу в правой руке, – мы проверяем всех, кто мало-мальски знал господина Власова, и называть его наследника убийцей, простите, пока неосмотрительно. Не все наследники таким диким способом получают состояния. Вы же сами об этом прекрасно знаете. Засим, господин Воздвиженский, разрешите откланяться.

Кунцевич решил сразу, что лучше доплатить к билету в вагон второго класса (на первый денег в сыском отделении не выдавали) собственных девять рублей, зато ехать в отдельном купе. Тогда можно и выспаться, и заняться прихваченными бумагами, и никто не помешает. Двое полицейских, приданных в помощь, ехали вместе с ним.

Мечислав Николаевич прихватил с собою бутылку шутовского коньяку. Поэтому дорога показалась не слишком длинной, хотя наговорились вдоволь.

– Всё-таки я не понимаю, для чего нам ехать в такую даль, чтобы посмотреть на наследника безвременно усопшего? – спросил один из полицейских, с виду неказистый, но обладавший большой физической силой. Кунцевич разлил коньяк по маленьким рюмкам из походного набора.

– Видишь ли, Ваня, мы, видимо, поздно едем. Со дня убийства прошло десять дней, и рука нашего фон Линдсберга – искомого нами преступника – зажила. Это во-первых, а во-вторых, почему он с такой поспешностью уехал из столицы? – Полицейский, названный Ваней, пожирал глазами чиновника для поручений. – И мне, то есть нам всем, – поправился Кунцевич, – неизвестно. Может быть, хотел скрыться подальше от содеянного, либо произошла обычная случайность, которую мы принимаем за злой умысел.

– Но можно было послать распоряжение от лица директора департамента, чтобы местные власти привезли прапорщика в Петербург. Вышло бы быстрее.

– Не спорю, наверное, быстрее. Но нам важно, как поведёт себя фон Линдсберг, узнав о смерти благодетеля. К тому же у него имеются повреждения на руках. Согласись, что слишком уж вовремя он покинул столицу.

– Вовремя.

– Возникли бы вопросы, тем более что дворник видел господина в шинели лейб-гвардейского Сапёрного батальона. Если прапорщик не замешан в настоящем деле, то кто мог знать о столь заботливом отношении Власова к фон Линдсбергу? Значит, есть ещё один человек, заинтересованный в том, чтобы заподозрили именно Карла.

– Дела-а, вот сколько раз говорил. У нас всё по-простому – топором по голове или нож под рёбра. А вам, простите, господин Кунцевич, господам надо непременно на кого-то другого указать, чтоб самому остаться не в подозрении.

– Жизнь такова. Вот в завещании больше никто не упомянут, хотя был у убитого ещё один близкий друг.

– Если в завещании он не упомянут, то в чём его интерес? – всё допытывался Ваня. Второй полицейский украдкой дёргал его за рукав: мол, куда ты со своим рылом да в калашный ряд, не твоё дело дознание вести, взяли тебя для арестования, вот и молчи, дурак. – Ну, был дружен с обоими, разве ж это преступление?

– Ты прав, но его необходимо тоже проверить, – категоричным тоном добавил Кунцевич...

– Раз вы говорите, стало быть, проверить надо.

– Думаю, Власков справится.

– Власков? – ухмыльнулся Ваня. – Не уверен. Пусть бы занимался своими кражами, больше было бы проку. А так... Не по его уму думать и дознавать убийства. Поверьте, я его уже восьмой год знаю. Воображения ему не хватает. – после этих слов Ваня опустил голову, поглядывая украдкой на Кунцевича. Разговорился не по чину.

– За что ты его так не любишь?

– Простите, Мечислав Николаевич, это я сболтнул, не подумавши.

Узловая станция Кошедары, стоящая на пересечении нескольких железнодорожных путей, предстала перед взором чиновника для поручений маленькой, пыльной, словно бы вытканной на старом гобелене. То ли день не радовал взгляд осенним солнцем, то ли настроение было пасмурное. Но ко всему прочему оказалось, что скорый поезд на Шавли ушёл час тому, а следующий под номером 5 ожидался к прибытию только через два с половиной часа.

Чиновник для поручений переглянулся с полицейскими после того, как с минуту постоял у вывешенного расписания движения поездов. Не сговариваясь, все тяжело вздохнули и отправились приобретать билеты у темноволосого кассира с большой родинкой на носу и непонятно каким акцентом,

напоминающим и местный акцент, словно бы с задержкой дыхания, и вкрадчивый еврейский (этому кочевому народу позволили с прошлого года селиться в Ковенской губернии).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.